

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2024. № 2 (28)

Научный рецензируемый журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2024

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2024

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2024. № 2 (28)

Scientific peer-reviewed journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI № FS 77 – 85231 dated 25.04.2023.

**© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2024**

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St.,
Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2024

2024. 2 (28)

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досияс университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Б. П. Ашрапов – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и сравнительной типологии факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова» (Республика Таджикистан, Худжанд);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Автор фото на обложке – Чеховская Д. А., студент-бакалавр, направление подготовки 45.03.01 Филология (профиль Медиа и культурные коммуникации) Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

2024. 2 (28)

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Bahodurjon Pulotovich Ashrapov – candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of linguistics and comparative typology attached to the faculty of Foreign languages under the SEI «Khujand State

University named after academician B. Gafurov» (Tajikistan Republic, Khujand-city);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova– Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the collage on the cover: Chekhovskaya D. A., Bachelor's student, direction of preparation 45.03.01 Philology (profile Media and cultural communications), Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Окунева С. А. СТИХОТВОРЕНИЕ Э. ПО «THE CITY IN THE SEA» В ПЕРЕВОДАХ В. Я. БРЮСОВА И К. Д. БАЛЬМОНТА 11

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Бедрикова М. Л. КАТЕГОРИЯ ЖАНРА В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: ЖАНРОВАЯ ГИБРИДНОСТЬ (К. САЙМАК «ГОРОД») 20

РАЗДЕЛ III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ

Петросян М. М. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В МЕДИАМЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ 35

Хакимьянова Л. Р. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММЫ «О САМОМ ГЛАВНОМ») 47

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

Жавнерович М. С., Рудакова С. В. БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО И ОБРАЗОВАНИЕ 57

АВТОРАМ

77

CONTENTS

PART I. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Okuneva S. A. POE'S POEM «THE CITY IN THE SEA»
TRANSLATED BY V. Y. BRYUSOV AND K. D. BALMONT 11

PART II. HISTORY AND THEORY OF GENRES: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT

Bedrikova M. L. THE CATEGORY OF A GENRE
IN THE LIGHT OF NEW RESEARCH IN LITERARY STUDIES:
GENRE HYBRIDITY (K. SIMAK'S «THE CITY») 20

PART III. COMMUNICATION RESEARCH IN PHILOLOGY

Petrosyan M. M. ACTUALIZATION
OF THE CATEGORY OF INTERDISCURSIVITY IN MEDIA
MEDICAL DISCOURSE 35

Khakimyanova L. R. STRATEGIES AND TACTICS
FOR IMPLEMENTING SPEECH INFLUENCE IN MEDIA
COMMUNICATIONS (BASED ON THE MATERIAL
OF THE PROGRAM «O SAMOM GLAVNOM») 47

Part IV. PHILOLOGY AND INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

Zhavnerovich M. S., Rudakova S. V. LIBRARIANSHIP
AND EDUCATION 57

TO AUTHORS 77

РАЗДЕЛ I. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ББК 80.84
УДК 821.29

С. А. Окунева¹
ORCID: 0000-0001-7324-5242
Вятский государственный университет
610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, д. 36
swetlana.okunewa@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ Э. ПО «THE CITY IN THE SEA» В ПЕРЕВОДАХ В. Я. БРЮСОВА И К. Д. БАЛЬМОНТА

В статье представлен межъязыковой сравнительный анализ стихотворения Э. По «THE CITY IN THE SEA» и его переводов русскими поэтами-символистами В. Я. Брюсовым и К. Д. Бальмонтом. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью изучения художественного наследия американского писателя XIX века в русскоязычных переводах, неослабевающим интересом к процессам взаимодействия культур. Цель статьи – провести межъязыковой сравнительный анализ стихотворения Э. По «THE CITY IN THE SEA» и его переводов русскими поэтами Серебряного века.

Объект литературного анализа – стихотворение Э. По «THE CITY IN THE SEA» и переводы В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта. Предмет исследования – особенности переводов стихотворения Э. По поэтами-символистами.

В исследовании применяются три основных подхода к анализу стихотворного текста и его переводов, позволяющих определить их точность и соответствие идейно-тематическому содержанию исходного текста: подходы Ю. М. Лотмана, С. Ф. Гончаренко, Л. В. Щербы.

С точки зрения идейно-эстетического анализа английского и русских текстов в статье отмечена точность передачи переводчиками темы и идеи оригинального текста, трагического пафоса стихотворения. Исследование композиционной структуры источника и переводов показывает полное соответствие оригиналу перевода В. Я. Брюсова, частичное – К. Д. Бальмонта. Характеристика образной

---

¹ Окунева Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.

С. А. Окунева

системы всех трех произведений и особенностей ее развития в смысловых частях показывает, что К. Д. Бальмонт и В. Я Брюсов переводят близко к оригиналу, сохраняя для понимания смысла стихотворения большинство важных символов. Однако переводчикам не удается избежать замены слов, добавления авторских оттенков смысла. В статье сделан вывод о близости к оригиналу по идейному содержанию, композиционной и лексико-семантической структуре поэтических переводов В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта.

Ключевые слова: поэзия, По, Бальмонт, Брюсов, перевод, межъязыковой сравнительный анализ

Введение.

Эдгар Аллан По (1809–1849) – американский писатель, поэт, эссеист, литературный критик и редактор, воплотивший в своем творчестве идеи иррациональности, мистицизма, обреченности, аномальности изображаемых состояний.

Творчество Э. По оказало значительное влияние на «старшее» поколение русских символистов, среди которых особое место занимают К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов. Оба поэта в разное время выпустили сборники переводов произведений Э. По, сопроводив их очерками из жизни известного американского писателя, комментариями и критическими статьями.

Переводы литературного наследия Э. По в России – один из аспектов сложной и многослойной картины русско-американских культурных связей. Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом к процессам взаимодействия культур. Изучение богатого художественного наследия американского писателя и его воспроизведение на русский язык дает основание полагать, что он один из самых часто переводимых в России американских авторов.

Основная часть.

Проблема переводческого стиля решает трудный вопрос осмысления и истолкования подлинника. Безусловно, переводчик должен знать творчество переводимого автора, избегать не только формального копирования текста с одного языка на другой, но и излишнего субъективизма.

Сложность поэтического перевода состоит в том, что неверная трактовка/опущение переводчиком любого из элементов поэтического текста может изменить идею, заложенную в нём. Такая ошибка влечет за собой «ложный коммуникативный процесс» между поэтом и читателями. Однако поэтический перевод не может представлять собой «кальку» оригинала, он является самостоятельным поэтическим произведением.

Поэтому при сопоставительном анализе лирического текста-источника и его переводов чаще всего используются несколько подходов, позволяющих определить их точность и соответствие идейно-тематическому содержанию исходного текста. В данном исследовании это подходы Ю. М. Лотмана [3], С. Ф. Гончаренко [4], Л. В. Щербы [6].

Основу сюжета стихотворения Э. По «THE CITY IN THE SEA», написанного в 1831 году, составляет повествование о несуществующем городе, оказавшемся под властью Смерти. Мертвый город – метафора мира, погрязшего в грехах и материальных ценностях, умершего сначала духовно, а потом физически.

Упоминание о Вавилоне, которое сохраняется в переводах В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта, здесь не случайно. Согласно библейскому преданию, строительство Вавилонской башни было прервано Богом, заставившим людей заговорить на разных языках. Вавилонская башня стала символом человеческого высокомерия, заносчивости, гордыни, поверженных Богом. Также в произведении можно найти зеркальное отражение мифа об Атлантиде, когда-то великой цивилизации, утопающей в роскоши, но затонувшей в море.

Э. По утверждает, что мир умирает, когда им овладевают материальные, а не духовные ценности. Автор призывает отречься от всего земного и бренного, так как все в этом мире мертво и неподвижно, когда мертва и неподвижна душа.

К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов в своих переводах сохраняют тему и идею оригинала: картина несуществующего города, оказавшегося под властью Смерти, – это предупреждение человечеству о неизбежной расплате за грехи и утрату духовных ценностей. Оба переводчика следуют трагическому пафосу оригинала – мертвый, неподвижный, зловещий город призван вызвать у читателя смертельный ужас.

Композиционная структура стихотворения обусловлена стилистическими особенностями автора и целями, им руководимыми. Визуально композиция стихотворения Э. По разделена на четыре части по 11, 18, 12 и 12 стихов. Перевод В. Я. Брюсова сохраняет эту структуру: стихотворение так же разделено на четыре блока по 11, 18, 12 и 12 стихов. К. Д. Бальмонт выбирает несколько иной принцип деления произведения на строфы: 5 строф по 14, 15, 8, 11 и 19 стихов.

Отличающееся от авторского деление вполне обосновано: К. Д. Бальмонт сознательно увеличивает объем стихотворения, не случайно выделяя особую смысловую часть, рисующую зловещий образ Смерти, наблюдающей за происходящим с башни и повелевающей всем в этом мертвом мире. Тем самым подчеркивается значимость этого образа, наполняющего стихотворение мрачным ужасом.

В первой части стихотворения Э. По описывается незнакомый одинокий город, в котором «смерть себе воздвигла трон». Переводы В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта сохраняют эту метафору: К. Д. Бальмонт: «здесь Смерть себе воздвигла трон...», В. Я. Брюсов: «Смерть там воздвигла трон». Также В. Я. Брюсов сохраняет и призыв источника: «Смотри!».

Эпитет Э. По «незнакомый» К. Д. Бальмонт, подчеркивая призрачность города, заменяет на «призрачный», а В. Я. Брюсов использует эпитет «странный», дополняя характеристику города оттенками «мнимости, нереальности, воображаемости, необычности». Заостряя внимание на одиночестве города («городе, лежащем одиноко»), К. Д. Бальмонт вводит слово «уединенье», которое тоже дополняется эпитетом «странное».

Слова-оппозиции «хорошее и плохое» стихотворения Э. По заменяются в переводах антонимами – добрый и злой, лучший (герой) и злодей. Оба переводчика используют синонимы, заменяя метафору «вечный покой» на «прияли сон» (К. Д. Бальмонт), «сошли в страну теней» (В. Я. Брюсов).

Характеризуя образы, напоминающие о былом величии города, переводчики используют синонимы, заменяя слово «гробницы» на «храмы» (К. Д. Бальмонт) и «палаты» (В. Я. Брюсов). Метафору «съеденные временем» по-своему переводит каждый из поэтов: К. Д. Бальмонт – «изъеденные силой дней», у В. Я. Брюсова появляются «мшистые башни», то есть покрытые мхом за длительный период времени.

В стихотворении Э. По звучат строки о том, что все в городе «не напоминает ничего, что было нашим». К. Д. Бальмонт сохраняет смысл выражения в своем переводе – «ничем на наши не похожи», то есть не имеют сходства с чем-либо земным. У В. Я. Брюсова появляется прилагательное «чуждый»: «так чужды нашим городам», то есть имеющие мало чего общего с ними.

Вместо эпитета «печальные» К. Д. Бальмонт использует эпитет «угрюмые», дополняя перевод оттенками значения – «мрачные, суровые, невеселые». Эпитет Э. По он сохраняет в словосочетании «печальным сном», то есть грустным, меланхоличным.

Отсутствие движения вод передается в оригинале с помощью эпитета «смирненно» (покорно) и глагола «лежат». К. Д. Бальмонт в переводе использует метафору «в своем невозмутимом (ничем не нарушаемом, спокойном) ложе застыла (сделалась неподвижной) гладь (обширное гладкое пространство) угрюмых вод». У К. Д. Бальмонта звучит другая фраза: «в забытии (дремотном состоянии, полусне) немом (безмолвном, лишенном способности говорить) покоятся (пребывают в покое, неподвижно, спокойно лежат) печальным сном».

Оба автора достаточно часто используют синонимические замены, стараясь передать ощущение страшного спокойствия моря.

Во второй части стихотворения продолжается повествование о городе мертвых.

В произведении Э. По можно увидеть вертикальное движение света: с небес на город не спускаются лучи, свет поднимается только от мертвенно-бледного моря, струится ввысь по орудийным башням, отражается от башенных шпилей. Следом за ним всё устремляется вверх: купола, шпили, царственные залы, храмы, беседки, гробница. Вверху – святые небеса, а под ними, внизу – печальные неподвижные воды. Смерть тоже смотрит сверху вниз на город из своей башни.

К. Д. Бальмонт меняет направление движения света, изображая, как тусклый и мертвый свет движется горизонтально, струится меж капищ, змеится меж дворцов, вдоль стен, среди растений из камней, беседок. Вертикальность движению здесь придают стены, которые, устремляясь вверх, пронзают небосвод.

В. Я. Брюсов сохраняет вертикальное направление движения света. Его «высоты» (небеса), как и у Э. По, святые (праведные, угодные Богу). Поэтому свет струится ввысь: на крыши, по зубцам, по храмам, башням, по палатам, беседкам. Но спасения уже нет. Прилагательное «долгая» (ночь) К. Д. Бальмонт заменяет эпитетом «безысходная», то есть непоправимая, нескончаемая.

Мертвенно-бледный цвет моря оригинала, в целом, точно передается обоими переводчиками: у К. Д. Бальмонта – свет струится «тускло и мертво», у В. Я. Брюсова воды отражают «тусклый» блеск.

В стихотворении Э. По мир предстает колеблющимся в воздухе, в нем сливаются тени и башни. В переводах В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта появляется образ пустоты, в котором призрачно повисают эти же тени и башни.

В оригинале из величественной башни «в прекрасном расположении духа» Смерть смотрит вниз. Оба поэта-переводчика наделяют Смерть эпитетами «исполин», «исполинская», тем самым характеризуя ее как необычайно сильное, мощное, всепобеждающее начало.

Переводчики, как и Э. По, усиливая эмоциональное звучание стихотворения, используют рефрены: К. Д. Бальмонт несколько раз повторяет фразу «застыла гладь угрюмых вод», В. Я. Брюсов – «покоятся печальным сном». Оба поэта стараются усилить ощущение ужаса и беспросветного мрака, сохранить мысль о невозможности победы земного над смертью.

В третьей части стихотворения звучит мотив бессилия материального земного богатства перед всепобеждающей Смертью.

Э. По, противопоставляя мертвый город другой, земной, более счастливой жизни, использует наречие «там». У Бальмонта это наречие имеет другое значение, оно указывает на морское

пространство, которое существует вне города, где есть жизнь и движение.

Оба поэта сохраняют в своих переводах глагол «зиять» (обнаруживать глубину, провал), который придает картине зловещий оттенок. Эпитет «смутный», используемый К. Д. Бальмонтом, несет ощущение неясности, неотчетливости, неопределенности. Кроме того, вода в переводе К. Д. Бальмонта становится «горящей», напоминающей выражение «гореть в аду».

В. Я. Брюсов сохраняет междометие «увы» оригинала, которое усиливает ощущение сожаления, огорчения. Слово источника «рябь» (ее отсутствие) К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов заменяют на слово «дрожь», передающее вибрации, частые колебания или повторяющиеся сотрясения моря. Ощущение мертвенной прозрачности вод сохраняют в своих переводах оба автора: «стеклянная пустыня» Э. По заменяется на «стеклянную поверхность вод» В. Я. Брюсова, «гладкую плоскость стекла» К. Д. Бальмонта.

В конце строфы более близок к оригиналу В. Я. Брюсов: он сохраняет эпитет «счастливые моря», существительное «ветры» заменяет на «вихри», придавая слову значение «порывистых круговых движений воздуха». Они не просто дуют в более счастливом мире, они буйствуют, проявляясь с необычайной силой. Эпитет «чудовищно» вызывает чувство ужаса от происходящего. К. Д. Бальмонт дополняет картину оригинала образами кораблей, которые где-то дышат, то есть живут.

Четвертая часть у всех поэтов начинается с противительного союза **НО** и восклицания, передающего неожиданность происходящего. Колыхание, движение волны в стихотворении Э. По К. Д. Бальмонт передает с помощью синонимов «дрожь, ропот», имеющих оттенок недовольства, протеста. В. Я. Брюсов использует глаголы «задрожал, поднялся». Поэт слово «волна» заменяет синонимом «вал», имеющим значение «огромной волны», готовой поглотить все, что еще осталось.

Оба переводчика достаточно точно передают содержание стихотворения Э. По: башни как будто погружаются в воду, раздвигая пустоту внутри небес. Волны в стихотворении Э. По приобретают более красное свечение. В переводе К. Д. Бальмонта они становятся «краснее». В. Я. Брюсов придает волне «отблеск алый», то есть она становится ярко-красной.

Прекращение течения времени Э. По отражает в фразе «часы дышат тише и слабее». В. Я. Брюсов использует форму сравнительной степени – «слабей дыхание часов». К. Д. Бальмонт вводит эпитеты «часы бессильны и усталы», добавляя значение лишения возможности действовать, оказывать воздействие, ослабления от напряжения, утомления.

Фраза оригинала «земля перестает издавать стоны» в переводах расширяется за счет авторских вставок. Мертвый город К. Д. Бальмонта сойдет к глубине, «во глубь весь город канет» у В. Я. Брюсова.

Призыв Э. По встретить Ад с почтением (глубоким уважением) повторяют оба поэта-переводчика: В. Я. Брюсов обращается «с приветствием ему!», К. Д. Бальмонт использует глагол «поклониться».

Таким образом, К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов переводят стихотворение Э. По близко к оригиналу, сохраняя для понимания смысла большинство важных символов (Смерть, Ад, Вавилонские стены и др.). Однако переводчикам не удается избежать замен слов, которые добавляют авторские оттенки смысла. Кроме того, у каждого из поэтов появляются собственные образы-символы.

Оба поэта используют большое количество лексически сходных слов, синонимов, которые помогают создать атмосферу нереальности изображаемого мрачного мертвого города. Обоим переводчикам удастся передать глубокую эмоциональную насыщенность стихотворения. Они, как и Э. По, для усиления эмоционального звучания используют рефрены, сложные метафоры, символику цвета и звука.

К. Д. Бальмонт при переводе увеличивает объем композиционных частей и общее количество стихов, которые в большинстве случаев не соответствуют строкам оригинала. В. Я. Брюсов сохраняет объем оригинала, почти все стихи совпадают с источником.

Выводы.

С точки зрения идейно-эстетического анализа, переводы В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта повторяют оригинал, переводчики сохраняют тему и идею произведения: картина несуществующего города, оказавшегося под властью Смерти, становится предупреждением человечеству о неизбежной расплате за грехи и утрату духовных ценностей.

Исследование композиционной структуры показывает, что наиболее точно следует структуре оригинала В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт выбирает иной принцип деления произведения на строфы.

К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов переводят близко к оригиналу, сохраняя для понимания смысла стихотворения большинство важных символов. Оба поэта используют большое количество лексически сходных слов, синонимов, которые помогают создать атмосферу нереальности изображаемого, мрачного мертвого города.

Таким образом, сопоставительный межъязыковой анализ показывает, что поэтические переводы В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта по идейному содержанию, композиционной,

лексико-семантической структуре близки к оригиналу американского писателя.

Список источников

1. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. / Вступ. ст. В. Макарова. Москва: Книжный клуб Книговек, 2010. Т.1. 504 с.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Москва: Художественная литература, 1973. Т. 2. 478 с.
3. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. Вып. 24. Москва: МГЛУ, 1999. С. 107–122.
4. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1996. 846 с.
5. По Эдгар Аллан. Полное собрание сочинений. Москва: Альфа – книга, 2017. 365 с.
6. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. Москва: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1957. 345 с.

REFERENCES

1. Balmont K. D. Collected works: In 7 volumes / Introduction by V. V. Makarova. Moscow: Knigovек Book Club, 2010. Vol.1. 504 p. (In Russ.)
2. Bryusov V. Ya. Collected works: In 7 volumes. Moscow: Fiction, 1973. Vol. 2. 478 p. (In Russ.)
3. Goncharenko S. F. Poetic translation and translation of poetry: constants and variability. Moscow, 1991. 368 p.
4. Lotman Yu. M. On poets and poetry: Analysis of a poetic text / Introduction by M. L. Gasparova. Spb.: Iskusstvo – Spb., 1996. 846 p. (In Russ.)
5. By Edgar Allan. The complete works. Moscow: Alpha – book, 2017. 365 p. (In Russ.)
6. Shcherba L. V. Selected works on the Russian language / Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 345 p. (In Russ.)

**POE'S POEM «THE CITY IN THE SEA» TRANSLATED
BY V. Y. BRYUSOV AND K. D. BALMONT**

Svetlana A. Okuneva

Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor
of the Department of Russian as a Foreign Language
at Vyatka State University
(Kirov, Russia)

Abstract

The article presents an interlanguage comparative analysis of E. Poe's poem «THE CITY IN THE SEA» and its translations by Russian symbolist poets V. Ya. Bryusov and K. D. Balmont. The relevance of the topic of the article is due to the need to study the artistic heritage of the American writer of the XIX century in Russian translations, and the unrelenting interest in the processes of interaction between cultures. The purpose of the article is to conduct an interlanguage comparative analysis of E. Poe's poem «THE CITY IN THE SEA» and its translations by Russian poets of the Silver Age.

The object of literary analysis is E. Poe's poem «THE CITY IN THE SEA» and its translations by V. Y. Bryusov and K. D. Balmont. The subject of the study is the peculiarities of translations of E. Poe's poem by symbolist poets.

The study uses three main approaches to the analysis of the poetic text and its translations, which make it possible to determine their accuracy and compliance with the ideological and thematic content of the source text: the approaches of Yu. M. Lotman, S. F. Goncharenko, L. V. Shcherba.

From the point of view of the ideological and aesthetic analysis of English and Russian texts, the article notes the accuracy of the translators' transmission of the theme and idea of the original text, the tragic pathos of the poem. The study of the compositional structure of the source and translations shows full compliance with the original translation by V. Y. Bryusov, partial – by K. D. Balmont. The characteristic of the figurative system of all three works and the peculiarities of its development in semantic parts shows that K. D. Balmont and V. Ya. Bryusov translate the poem close to the original, preserving most of the important symbols for understanding its meaning. However, translators cannot avoid replacing words and adding authorial shades of meaning. The article concludes that the poetic translations of V. Ya. Bryusov and K. D. Balmont are close to the original in terms of ideological content, compositional and lexico-semantic structure.

Keywords: Poetry, Poe, Balmont, Bryusov, Translation, Interlanguage Comparative Analysis.

Для цитирования: Окунева С. А. Стихотворение Э. По «The City in the Sea» в переводах В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта // Libri Magistri. 2024. № 2 (27). С. 11–19.

Поступила в редакцию 23.03.2024

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

*ББК Ш5(2=Р)
УДК 821.161.1*

*М. Л. Бедрикова²,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

КАТЕГОРИЯ ЖАНРА В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТЕРАТУРОВЕДИИ: ЖАНРОВАЯ ГИБРИДНОСТЬ (К. САЙМАК «ГОРОД»)

Статья посвящена актуальной проблеме литературоведения XX–XXI вв. – феномену жанровой гибридности в литературных произведениях. В XX вв. феномен жанровой гибридности проанализирован М. Бахтиным (Проблемы поэтики Достоевского) [2]. В XXI в. гибридные формы изучаются в Институте славяноведения РАН [5]. Я. Войводич [3], К.З. Королькова [9] глубоко исследовали гибридность в жанре рассказа. В статье автор анализирует механизм взаимодействия одного жанра с другими жанрами в процессе гибридизации. Жанровая форма есть коммуникативный фактор, реализующийся в «жанровом ожидании». В XX–XXI вв. писатели стремятся показать мир «во всей его «полноте и сложности». Выбор авторами жанровой формы «сборник рассказов» позволяет наиболее полно воплотить замысел. Автор статьи анализирует произведение фантастического направления – роман К. Саймака «Город». Феномен гибридности отмечен и в мировой фантастической литературе, и в кинофантастике на литературной основе. «Город» К. Саймака отличается «полифоничностью», глубиной философского содержания (Р. Арбитман) [1, 330]. Наша гипотеза состоит в том, что роман «Город» есть сложное многуровневое художественное целое, одновременно

---

² Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

являющееся романом и филологическим исследованием. Бесценен предшествующий опыт прочтения «Города» в литературоведении, постижение уникального замысла этого произведения, его романной проблематики, благодаря чему в настоящий момент открылись перспективы для изучения специфики жанрового мышления К. Саймака, постижения сути его жанрового эксперимента – жанровой гибридности в произведении «Город».

Ключевые слова: жанр, жанровая гибридность, басня, фантастическая литература, К. Саймак «Город»

Введение. В отечественном и зарубежном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к изучению категории жанра. В последней трети прошлого столетия и на рубеже XX–XXI вв. осмысление жанра преодолело границы академической науки о литературе, благодаря развитию когнитивного жанроведения, когнитивного литературоведения. Главный вопрос в дискуссиях прошлого столетия и XXI в. – о состоянии и условиях существования категории жанра. «Первейшим условием его бытования» признана «устойчивость жанровой традиции»: «традиция устанавливает признаки узнавания жанра, или его внешние признаки по отношению к жанровому содержанию» (М. А. Рудов) [11].

В данном направлении сформировались свои подходы. Если в литературной критике понятия «жанр, стиль, форма» использовались как «нераздельные» / смежные (Р. В. Комина) [10], то теоретики литературы ИМЛИ, МГУ жанр и стиль «не только не соотносили», но и представляли их «в удалении» – одно понятие *от* другого (Р. В. Комина) [8]. Н. Л. Лейдерман (Екатеринбург), возражая оппонентам, настаивавшим на приоритете стиля (в выражении «органической целостной индивидуальности человека-творца» (М. М. Гиршман)) [10, 8], подчеркивал: «все художественные системы: и жанр, и стиль – ориентированы на то, чтобы выразить прежде всего индивидуальное [10, 8]. Жанр может выступать в качестве «внутрихудожественного фактора стиля» [10, 24]. В периоды преобладания в художественной литературе нормативных принципов две категории «...стилевая и жанровая структуры <...> совместно выступают воплощением и выражением единого художественного канона» [10, 24] (о древнерусской литературе – в этом ключе писал Д. С. Лихачев). Вследствие «нераздельности» жанра и стиля порой возникают гибридные термины («жанровый стиль», Г. К. Вагнер [10, 24]).

Характеристика исследования. Материалы и методы. В последней трети XX в. в отечественном литературоведении был исследован феномен «жанрового многообразия». В свете НТР на первый план выдвинулась проблема типологии жанров (Р. В. Комина) [8], «жанровых границ интерпретации текста» (А. П. Казаркин) [6]. В конце прошлого столетия тенденция «расширения жанровых границ» была проанализирована в широком контексте, в динамике литературного процесса.

Обсуждение. В настоящее время необходимость в исследовании феномена «гибридности» обусловлена проявлениями жанровой гибридности в различных литературных произведениях. Какие факторы побуждают художников слова экспериментировать с жанровой формой? Жанровый синтез раскрывает новые потенциалы – для точного и полного воплощения замысла. Жанровая форма есть коммуникативный фактор, и эта форма реализуется в «жанровом ожидании»: читатель воспринимает знакомый сюжет, постигает транслируемые «смыслы» на различных уровнях в структуре художественного целого.

В XX вв. феномен жанровой гибридности исследовал М. Бахтин (Проблемы поэтики Достоевского) [2]. Я. Войводиц (Загреб) поясняет: «Гибрид Бахтин толкует в рамках диалогичности, и потому гибридизация является «смешением двух социокультурных языков в пределах одного высказывания» [3, 196]. Среди эпических видов и жанров, по мнению исследователей, гибридность продуцирует именно жанр рассказа (например, в творчестве А. П. Чехова). «Автор рассказа может ставить перед собой те же задачи, что и писатель, создающий роман, – изображение жизненного пути, эволюции характера и мировоззрения героя и многое другое, только решать он их будет иначе <...> Рассказ, несмотря на кажущуюся ограниченность, диктуемую объемом, оказывается жанром, предлагающим чрезвычайно широкий спектр возможных модификаций» [9, 189].

«Жанровая форма» (жанровая категория) предстает в уникальном воплощении, реализует тему, авторский замысел, идейно-эмоциональную оценку. «Несмотря на различия в конкретном понимании термина, под «жанром» понимается повторяющееся во многих произведениях на протяжении истории развития литературы единство композиционной структуры, обусловленной своеобразием отражаемых явлений действительности и характером отношения к ним художника» [14, 82].

В нашей работе механизм взаимодействия отдельного жанра с другими в процессе гибридизации, в коммуникативном аспекте,

рассматривается на примере действия схемы древнейшего жанра басни. «Басня – это краткий рассказ, чаще всего стихотворный, в котором имеется иносказательный смысл. В поучительном басенном сюжете действующими лицами чаще всего являются условные басенные звери» [14, 28]. «<...> В басне особенно важно самое искусство рассказа... самый рассказ, наличие подробностей и жизненных красок является для басни особенно важным. Типическое значение басни, широта её применения и объясняет её неустареваемость. А. Потебня называл это свойство басни «постоянным сказуемым переменчивых подлежащих» [14, 29]. Обратим внимание на игру слов «сказывать» и «сказуемое» («сказываемое» / «сказ» не только лингвистический термин). Развивая мысль А. Потебни, «постоянное сказуемое» примем за константу, а «переменчивые подлежащие» отнесём в область жанровой доминанты басни – сферы, открытой для интерпретаций в процессе узнавания знакомого сюжета читателями и слушателями всех времён и народов.

С древнейших времён до настоящего времени и гипотетического будущего индикатором жанра басни выступает высокое мастерство рассказчика – это непреходящий элемент. Именно поэтому, полагаем, басня была востребована и всегда будет востребована филологами. Так, в древнегреческом дидактическом эпосе, в поэме «Работы и дни» («Труды и дни»), её автор Гесиод для вразумления рассказывает брату Персу басню «о соловье и пестроглазом ястребе». То есть сами по себе нравственно-философские сентенции «о Справедливости, которой должна подчиняться человеческая жизнь» [4, 58], с точки зрения Гесиода, недостаточны, поэтому требуется образно донести их до разума и сердца людей – простых тружеников и царей.

Совесь и Стыд. Лишь одни
 Жесточайшие, тяжкие беды
 Людям останутся в жизни. От зла
 Избавленья не будет.
 Басню теперь расскажу я царям,
 Как бы они ни разумны [4, 63].

Завершается басня моралью: «Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся! / Гибельна гордость для малых людей. / Да тем, кто повыше, / С нею прожить нелегко» [4, 63].

Подобно древним (Гесиоду, Архилоху), современные писатели воздействуют на сознание рядового читателя, опираясь на «память жанра» из низовой литературы. В одном ряду в фольклоре и мировой литературе находятся сказка, предание, анекдот, исторический анекдот, развлекательный рассказ, моральное поучение. С перечисленными

жанрами у басни есть общее: автор актуализирует определенное слагаемое жанра в творческом акте и, как результат, «распрограммирует» жанровый «индикатор». Например, А. С. Пушкин высказался в этом ключе о своем стихотворении «Свободы сеятель пустынный», уточняя его жанр как «подражание басне» / притче. В XIX в. басня, благодаря аллегории, естественно ассоциировалась с притчей без ущерба «притчевой» специфике. В коммуникативном аспекте (обращении к слушателю с поучением) функции притчи и басни едины (как и само представление о басне и притче, хранимое в сознании человека).

Прославленный в веках баснописец Ж. Лафонтен воспринимал басню как «стоактную комедию, разыгрываемую на сцене мира» [12, 7]. Полагаем, «стоактная» есть гипербола, означающая множественность интерпретаций басенного сюжета, что подтверждается исключительной «коммуникативной открытостью» древнейшего жанра. Огромен вклад русской литературы в развитие жанра басни в Новое время (А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. И. Майков, М. Д. Чулков, И. И. Хемницер, И. Ф. Богданович, К. Н. Батюшков и еще десятки имен выдающихся деятелей русской классической литературы [12, 2–3]. Благодаря способности органично встраиваться в тексты литературных произведений, дополнять образный потенциал творения писателя, басня («книга мудрости самого народа» (Н. Гоголь)), подобно пословицам, поговоркам, каждый раз «оживает» в художественном целом. Это имел в виду и А. Потебня, когда «сравнивал басенных персонажей с шахматными фигурами, имеющими свои особые правила ходов» (Из лекций по теории словесности (1894 г.)) [12, 7].

Анализ романа К. Саймака «Город»: феномен жанровой гибридности. Произведение К. Саймака «Город» – вершинное творение «гуманитарной» фантастики, «культовый» роман. «Город» отмечен Р. Арбитманом: «в книжной серии «ЗФ (Зарубежная фантастика)» за период с 1965 по 1999 гг. К. Саймак был самым издаваемым автором (5 книг), в одном ряду с А. Кларком (8 книг), А. Азимовым (5 книг) [1, 114]. В кинофантастике от других шедевров «Город» К. Саймака отличается «полифоничностью», глубиной философского содержания (Р. Арбитман) [1, 330]. Гибридность в жанре произведения «Город» могла возникнуть под влиянием идей популярной в середине XX в. эвереттической фантастики (1957, Х. Эверетт III): «За четыре года до появления эвереттовских тезисов их как бы проиллюстрировал Клиффорд Саймак в романе «Кольцо вокруг Солнца» (1953): <...> на одной и той же орбите сосуществует множество «вариантов» нашей

планеты. Они подчас разнятся между собой, хотя каждая из Земель отстоит от «предыдущей» всего лишь на одну микросекунду...» [1, 440].

Гипотеза. Фантастический роман «Город» есть сложное мультижанровое художественное целое, являющееся одновременно и романом, и филологическим расследованием. Использована форма ретроспективного «дознания», с обратной завязкой в сюжете (в начале повествования читателю сообщается, чем всё завершилось). Действие происходит в абстрактном необозримом будущем через многие тысячелетия после завершения человеческой Истории. Время романного действия – будущее без человечества, то есть «послечеловеческая» эра Земли. С уходом людей сошли на нет их поселения – города, а выжившие представители людского рода «растворились» в цепи живого на планете Земля, где уже много тысячелетий господствует гуманная цивилизация Псов. Псы именуют потомков человеческого рода «вебстерами», не зная этимологии слова и не подозревая о человеческом происхождении «вебстеров». В посвящении четвероногому другу к роману «Город» автор написал: «Я посвятил свою сагу памяти Вихря (он же Нэтэниел) <...> Объясню: Вихрь – это шотландский терьер, проживший с нами пятнадцать лет <...> Хотя я неправильно выразился: ни минуты он не считал, что живёт с нами. Скорее мы жили с ним. Он был хорошим другом и товарищем» [13, 17]. Можно было и ограничиться общей информацией, первичным смыслом посвящения, но выбор К. Саймаком именно пса в качестве гуманного персонажа включает различные «смыслы». Характер образности в романе «Город» определяет не только фантастический пафос изображения далёкого будущего, картины, потрясающие воображение, или же новизна тематики, но и жанровое мышление автора. Его питают архетипы, мифологические структуры и др. слагаемые, позволяющие раскрыть замысел (так, образ собаки традиционно символический – архетип в системе архетипов животного). Образы киноидов в романе «Город» генетически связаны с образом собаки в литературе, искусстве – с древнейших времён: «Обращение писателей к различным формам сознания, в том числе к сознанию животного, обусловлено поиском авторами ментальных констант, истоки которых – в «бессознательном» человечества. В литературном произведении актуальность образа животного обусловлена стремлением писателя многомерно и психологически достоверно воссоздать процесс саморефлексии и самоидентификации субъекта» [16, 243]. Исследователи архетипа животных проф. Ж. Хетени и Ф. Якаб (Венгрия) напоминают: «В легендах и иконографии Святого Христофора (первоначально его имя Офферус) изображали с собачьей головой. По легенде, это

сакральный пёс, который перевозит мёртвых, двигаясь по границе потустороннего и реального мира. То есть пёс соединяет в себе противоположные черты – посланника Бога и Дьявола ... В восточной мифологии (китайской, японской) собака символизирует защиту» [16, 243]. В литературе Нового времени, в частности, «для русских писателей, обращавшихся к образу собаки, важен аллегорический смысл данного образа, позволяющий передать острую социальную критику» [16, 245].

Феномен жанровой гибридности. Предметом специального филологического исследования автора «Города», центром внимания рассказчиков преданий (знаменитых филологов, специалистов по «древностям» из цивилизации Псов) и персонажей является предание о людях и духовном родстве псов с Человеком из предшествовавшей Псам цивилизации.

К. Саймак не единственный, кто обратился к теме «увлечения людей механической цивилизацией», но его опыт постижения темы уникален, столь же уникален его редкостный пронизательный ум, а прогностический дар поражает. Аргументами служат тезисы из авторского предисловия-эссе: 1) К. Саймак однозначно определял жанр «Города» как «сборник рассказов», объясняя тем, что хронология не задана строго: «...хронология не имеет особого значения» – одни рассказы написаны «до начала атомной эры», другие – «на её заре» [13, 13]; 2) тема и исходный тезис заданы одновременно в первом предложении: ««Город» был написан в результате крушения иллюзий» [13, 12]. Обрастая обертонами, варьируясь, авторская мысль тревожно пульсирует, наполняясь пафосом безнадежности: писатель сетует на свою доверчивость, он полагал, что люди смогут «как-то договориться друг с другом», «Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту последнюю надежду» [13, 13]; 3) под впечатлением величайшей трагедии Хиросимы и Нагасаки, произошедшей после Второй мировой войны, автор «Города» окончательно утвердился в мысли: «Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем» [13, 13]. 4) Автору не близок «протест» изначально, он занят «поиском, созданием фантастического мира, способного противостоять миру реальному» [13, 13]. Причину бегства от реальности писатель объясняет растущим тотальным цивилизационным кризисом (утрата современными городами функции защитных сооружений, «разрастающиеся кольца гетто» и прочее); 5) в своем «дознании» К. Саймак перечисляет интерпретации: «Кто-то назвал этот сборник

«обвинительным актом человечеству»; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен – и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт» [13, 13-14]. Сказанное акцентирует внимание на проблеме гуманизма: «Меня больше беспокоит то, что под влиянием техники наше общество и мировосприятие теряют человечность» [13, 15].

Пестрота интерпретаций «Города» в критике и читательской аудитории – результат одновременного действия многих «жанровых установок», направляющих «читательское ожидание». Жанр «Города» возможно характеризовать, исходя из замысла, из объяснения самим писателем его выбора формы, однако взгляд филолога-исследователя отличается большей объективностью, в то время как автор субъективен.

Подчеркивая философичность проблематики сборника рассказов, К. Саймак воспринимает себя «отнюдь не предводителем на белом коне, но сочинителем развлекательных историй. Если слишком много из того, что я насочинял, начнёт сбываться в реальности, то я буду считать, что не состоялся как писатель – а, уверяю вас, моим единственным желанием, ради которого я трудился искренне и настойчиво, было стать настоящим рассказчиком» [13, 16]. Итак, выбор жанровой формы «сборник рассказов» адекватен замыслу. В XX–XXI вв. стремление писателей показать мир «во всей его «полноте и сложности», заставляет под одним заголовком объединить множество «рассказов, крайне разнородных по тематике, тональности, динамике, степени сюжетности и действующим в них лицам» (П. В. Королькова) [9, 188]. Тезис «крушение иллюзий» у К. Саймака развёрнут в «мозаичном повествовании», «сборник рассказов» воплощает замысел саги о крушении гуманизма и самого мира людей. Это подтверждает выводы исследователей гибридности о вариативности жанровых модификаций в «сборнике рассказов»: «рассказ в рассказе», «письмо в рассказе», «рассказ от первого и третьего лица одновременно», «рассказ от имени двух героев попеременно», «монолог» / сказ, «рассказ-очерк», «сказка притчевого характера» (П. В. Королькова) [9, 192-193]. Перечисленные модификации находим в сюжетно-композиционной структуре «Города».

Из восьми «рассказов-преданий» нас заинтересовали два: предание V «Рай» с комментарием К. Саймака, знакомящее читателя с гипотезой Борзого (ученого-филолога из цивилизации Псов), и предпоследнее предание VII «Эзоп», также с комментарием. Время действия – примерно 2900–3000-е годы. Выбор именно этих преданий способен пролить свет на суть жанрового эксперимента (гибридизации). В предании V «Рай» повествуется о человечестве, достигшем конца

Истории и остановившемся перед выбором: остаться людьми в теле человеческом и умереть на Земле или же обрести бессмертие на Юпитере в чужом теле «скакунцов». В этой линии сюжета важны диалоги персонажей – Фаулера, ученого, подарившего людям идею бессмертия на Юпитере, побывавшего там в теле «скакунца», и Вёбстера – председателя Всемирного комитета. «Люди ощутят, что такое Юпитер, так же явственно, так же живо, как это ощущает Фаулер» [13, 209].

В предании V «Рай» встречается авторское жанровое определение «социологическая басня». Басни о людях рассказывают роботы, вот уже более десяти тысяч лет живущие с киноидами в послечеловеческую эру. Через «гипотезу Борзого» – «внесценического персонажа», глазами Псов представляющего версию происхождения Человека, писатель раскрывает суть своей басни в контексте других жанровых характеристик. 1) Человек и его миссия во Вселенной приравнены к роли персонажа: «большинству читателей покажется вполне убедительной гипотеза Борзого, что Человек введён в повествование намеренно, как антитеза всему, что олицетворяет собой Пёс, как этакий воображаемый противник, персонаж социологической басни» [13, 173]. Подчёркивается искусственное / вымышленное происхождение Человека, миссия человечества «обнуляется» – до функции приёма «антитезы»; 2) полагаем, суть комментария вполне выражает русская поговорка «без царя в голове», смысл которой у К. Саймака дан развёрнуто: «В пользу такого вывода говорят и многократные свидетельства отсутствия у Человека осознанной цели, его непрерывных метаний и попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не даётся ему в руки потому, быть может, что Человек никогда не знает точно, чего хочет» [13, 174].

Учитывая пестроту авторских дефиниций (цикл рассказов, сага, роман, предание, сказки для щенков, басни роботов и др.), мы прослеживаем действие схемы басни в жанре романа «Город». Немаловажно, что «социологическая басня» органична использованным моделям «антиутопии» и «социальной утопии». В самом начале предания VII «Эзоп» автор приоткрывает читателю «портал» для воображаемого путешествия по бесчисленным мирам, интригу создаёт явление таинственной «серой тени», проникшей в бестелесной оболочке в «другой мир», хранящей память о «запахе жизни» и «трепещущей от вожделения» [13, 174]. Название предания VII «Эзоп» – это и название литературного памятника, которое отсылает к древнейшим античным мифам, бытующим, наряду с фольклорными низовыми жанрами. По принципу «вложения»: одно предание включается в более

древнее – о легендарном Эзопе (VI в. до н.э., «Эзоповы басни»). Писатель вводит в текст романа басенный прозаический диалог волка и медведя о жите-бытье хищников. Имена персонажей – Лупус и Мишка: «Волк и медведь встретились под большим дубом и остановились поболтать.

– Говорят, убийства происходят, – сказал Лупус.

– Непонятные убийства, брат, – пробурчал Мишка. – Убьют и не съедают.

– Символические убийства, – предположил волк.

Мишка покачал головой:

<...> – Это новая психология, которую псы нам преподают, совсем тебе голову заморочила <...> Стану я убивать то, чего не смогу съесть.

Он поспешил внести ясность:

– Да я вообще не занимаюсь убийством, брат. Ты ведь это знаешь.

– Конечно, – подтвердил волк.

Мишка лениво зажмурил свои маленькие глазки, потом открыл их и подмигнул» [13, 174].

В этой басне характеры персонажей канонические, но ситуация, в которой хищники находятся, – неканоническая, это новые времена господства гуманизма на планете Земля. Обратим внимание, что в переводе текста К. Саймака на русский язык сохранено латинское *Lupus*, наряду с русскими словами (волк и медведь). В «Словаре латинских крылатых слов и выражений» находим шесть крылатых выражений: 1) «Волк в басне» («Лёгко на помине») – *Lupus in fabula* (Terentius) [15, 31].; 2) «Волк волка не кусает». – *Lupus non mordet lupum* [15, 31]; 3) «Волк меняет шкуру, а не нрав». – *Lupus pilum mutat, non mentem*; 4) Волк нападает зубами, бык – рогами» (т. е. каждый имеет свои сильные стороны). – *Dente lupus, cornu taurus petit* (Horatius) [15, 31]; 5) «Волк не заботится о числе овец» (волк и считанное берёт). – *Lupus non curat numerum ovium* (Vergilius); 6) «Волк опасен для конюшни». – *Tristi lupus stabulis* [15, 31]. В данных латинских пословицах и поговорках отражено главное качество волка – жестокость хищника. Собственно, к медведю (Мишке) это относится в равной степени. Медвежий характер и характер волка в литературной басне глубоко раскрыт Ж. Лафонтеном («Спутники Улисса»): у Волка характер соответствует зафиксированным «смыслам» – в латинских пословицах, а в Медведе подчеркнута грубость, невежество, хищность. В предании VII «Эзоп» действует схема древнеримской басни, в частности, суть крылатого выражения: «Волк меняет шкуру, а не нрав». – *Lupus pilum mutat, non mentem*» [15, 31]. Что касается

басенной морали, то она обращена в романе «Город» не к животным, а к людям-современникам. Ещё в начале романного повествования К. Саймак восклицает: «...очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, которую люди готовы обрушить на головы своих ближних» [13, 13]. В предании VII создана система персонажей-животных (белка Поня, кролики, мыши – лесные жители, с которыми общаются басенные – Лупус и Мишка). Писатель рисует аллегорическую картину повседневной человеческой жизни («жизни мышья беготня») – «мышьиного счастья»: «Мыши всё так же сновали по своим травяным ходам, и в голове у них роились радостные мышьиные мысли, или что-то вроде мыслей. На дереве сидела сова, думая кровожадную думу» [13, 313]. Мораль басни – в следующем фрагменте текста: «Рядом, – думал Дженкинс (робот-гуманист – М. Б.), – совсем еще рядом таятся она – древняя лютая ненависть, древняя жажда крови <...> И вот мы снова видим искони присущую человеку жажду крови, стремление выделиться, быть сильнее других, утверждать свою волю посредством своих изобретений – предметов, которые позволяют его руке стать сильнее любой другой руки или лапы...» [13, 313]. Скептический вывод звучит во внутреннем монологе робота, знавшего людей: «...а, впрочем, человечество, скорее всего, при любом начале осталось бы таким же» [13, 313].

Заключение. Анализ романа К. Саймака «Город», жанр которого был заявлен писателем как «сборник рассказов», показал, что произведение «Город» представляет собой мультижанровое художественное целое – жанровый гибрид. В процессе воплощения уникального замысла, специфической проблематики фантастического романа писатель синтезировал жанровые характеристики многих жанров в этом произведении. Демонстрируемая гибридность усилила «коммуникативную открытость» повествования. Выбор в статье одного аспекта для анализа – анализ схемы басни как основы сюжета «Города» – позволил выявить специфику жанрового мышления К. Саймака и суть предпринятого писателем жанрового эксперимента в процессе воплощения замысла, для наиболее полного раскрытия темы. Методологическим основанием данного подхода к анализу жанровой гибридности нам послужили достижения современной философской мысли – концепция «постнеклассического единства мира» (В. Ю. Кузнецов, МГУ). «Каждый предмет культуры, будь то произведение искусства или же какой-либо механизм, сам является неким единством и представляет собой человеческую культуру в целом» [7, 316]. В основании данной философской концепции лежит тезис:

«Но единство разговора состоит в том, что в существенном слове всякий раз открывается одно и то же, – то, на чём мы объединяемся, то, на основе чего мы едины и, таким образом, собственно, являемся сами собой. Этот разговор и его единство несут наше пребывание» (Хайдеггер М.) [7, 316].

Список источников

1. Арбитман Р. Э. Субъективный словарь фантастики Москва: Время, 2023. 480 с.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Текст, 2019. 205 с.
3. Войводич Я. Гибриды повседневной жизни и их проявления в современной массовой литературе // Гибридные формы в славянских культурах: Сб. статей / Отв. редактор Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 195–207.
4. Гесиод. Работы и дни / Античная литература. Греция. Хрестоматия: Учеб пособие / Сост. Н. А. Фёдоров, В. И. Мирошникова. Изд. второе. Москва: Высш. школа, 2002. С. 63–65.
5. Гибридные формы в славянских культурах: Сб. статей / Отв. редактор Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2014. 458 с. (Категории и механизмы славянской культуры).
6. Казаркин А. П. Жанровые границы интерпретации текста // Проблемы литературных жанров: сб-к материалов четвёртой научной межвузовской конференции / Под ред. проф. Ф. З. Кануновой, Н. Н. Киселёва, Н. Б. Реморовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С.4–5.
7. Кузнецов В. Ю. Постнеклассическое единство мира Москва: РИПОЛ классик, 2023. 464 с.
8. Комина Р. В. Жанр: аксиология, методика // Проблемы литературных жанров: сб-к материалов четвёртой научной межвузовской конференции / Под ред. проф. Ф. З. Кануновой, Н. Н. Киселёва, Н. Б. Реморовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С.3–4.
9. Королькова К. З. Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид («Сараевский Мальборо» М. Ерговича и «Дьявол в Сараево» Н. Величковича) // Гибридные формы в славянских культурах: Сб. статей / Отв. редактор Н. В. Злыднева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 187–194.
10. Лейдерман Н. Л., Скрипова О. А. и др. Стиль литературного произведения. (Теория. Практикум): Учеб. Пособие для студентов факультета русского языка и литературы / Урал. гос. пед.

ун-т; Институт филол. исслед. И образоват. Стратегий УРО РАО «Словесник». Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. 184 с.

11. Рудов М. А. Признаки жанра в отношении к его содержанию // Проблемы литературных жанров: сб-к материалов четвёртой научной межвузовской конференции / Под ред. проф. Ф. З. Кануновой, Н. Н. Киселёва, Н. Б. Реморовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С.90.

12. Русская басня / Под общ. Ред. В. П. Степанова; Сост., вступ. ст. и прим. Н. Л. Степанова. Москва: Правда, 1986. 544 с.

13. Саймак Клиффорд Город. Москва: Издательство «Э», 2016. 384 с.

14. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. Москва: Просвещение, 1974. 509 с.

15. Словарь латинских слов и выражений / состав. В. Левинский, И. Смирнов. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. 608 с.

16. Якаб Ф. Образ собаки: символическое значение, интерпретации (на материале произведений русских писателей конца XIX – первой четверти XX века) // Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной молодёжной научно-практической конференции. 18–20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Ид-во Магнитогорск. гос. технического ун-та им. Г.И. Носова, 2018. С. 241–150.

REFERENCES

1. Arbitman R. E. Subjective Dictionary of Fiction Moscow: Vremya, 2023. 480 p. (In Russ.)

2. Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Text, 2019. 205 p. (In Russ.)

3. Vojvodich J. Hybrids of everyday life and their manifestations in modern mass literature // Hybrid forms in Slavic cultures: Collection of articles / Editor-in-Chief N. V. Zlydneva. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. P. 195-207. (In Russ.)

4. Hesiod. Works and Days / Antique Literature. Greece. Chrestomathy: textbook / Compiled by N. A. Fedorov, V. I. Miroshnikova. N. A. Fedorov, V. I. Miroshnikova. Second edition. Moscow: Vysh. school, 2002. P. 63-65. (In Russ.)

5. Hybrid forms in Slavic cultures: Collection of articles / Editor-in-Chief N.V. Zlydneva. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. 458 p. (Categories and mechanisms of Slavic culture). (In Russ.)

6. Kazarkin A. P. Genre boundaries of text interpretation // Problems of literary genres: Proceedings of the fourth scientific interuniversity

conference / Edited by Prof. F. Z. Kanunova, N. N. Kiselev, N. B. Remorova. Tomsk: Publishing house of the Tomsk University, 1983. P.4-5. (In Russ.)

7. Kuznetsov V. Yu. Postneoclassical Unity of the World Moscow: RIPOL Classic, 2023. 464 p. (In Russ.)

8. Komina R. V. Genre: axiology, methodology // Problems of literary genres: proceedings of the fourth scientific interuniversity conference / Edited by Prof. F. Z. Kanunova, N. N. Kiselev, N. B. Remorova. Tomsk: Publishing house of the Tomsk University, 1983. P. 3-4. (In Russ.)

9. Korolkova K. Z. Collection of stories as a thematic mosaic and genre hybrid («Sarajevo Marlboro» by M. Ergovic and «Devil in Sarajevo» by N. Velichkovic) // Hybrid forms in Slavic cultures: Collection of articles / Editor-in-Chief N. V. Zlydneva. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. P. 187-194. (In Russ.)

10. Leiderman N. L., Skripova O. A. et al. Style of literary work. (Theory. Practicum): Textbook for students of the Faculty of Russian Language and Literature / Ural State Pedagogical University; Institute of Philological Research. Institute of Philological Research and Educational Strategies of the Ural State Ped. Strategies URO RAO «Slovesnik». Ekaterinburg: AMB Publishing House, 2004. 184 c. (In Russ.)

11. Rudov M. A. Signs of genre in relation to its content // Problems of literary genres: Proceedings of the fourth scientific interuniversity conference / Edited by Prof. F. Z. Kanunova, N. N. Kiselev, N. B. Remorova. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 1983. P. 90. (In Russ.)

12. Russian fable / Under the general. ed. V. P. Stepanov; Composition, introductory article and notes by N. L. Stepanov. Moscow: Pravda, 1986. 544 p. (In Russ.)

13. Clifford Saimak The City. Moscow: E Publishing House, 2016. 384 p. (In Russ.)

14. Dictionary of literary terms / Ed.-comp: L.I. Timofeev and S. V. Turaev. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 509 c. (In Russ.)

15. Dictionary of Latin words and expressions / compiled by V. Levinsky, I. Smirnov. Moscow: TERRA – Book Club, 2003. 608 c. (In Russ.)

16. Yakab F. Image of the dog: symbolic meaning, interpretations (on the material of works of Russian writers of the late XIX – the first quarter of the XX century) // World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: collection of materials of the IV International Youth Scientific and Practical Conference. September 18-20, 2018 / ed. by S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2018. P. 241-150. (In Russ.)

**THE CATEGORY OF A GENRE IN THE LIGHT OF NEW
RESEARCH IN LITERARY STUDIES: GENRE HYBRIDITY (K.
SIMAK'S «THE CITY»)**

Maya L. Bedrikova

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of Department
of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to a topical problem of literary studies of the 20th – 21st centuries – the phenomenon of genre hybridity in literary works. In the 20th century the phenomenon of genre hybridity was analyzed by M. Bakhtin («Problems of Dostoevsky's poetics») [2]. In the 21st century, hybrid forms are studied at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences [5]. Я. Vojvodich [3], К. Z. Korolkova [9] deeply investigated hybridity in the genre of the story. In the article the author analyzes the mechanism of interaction of one genre with other genres in the process of hybridization. A genre form is a communicative factor realized in the «genre expectation». In the 20th and 21st centuries, writers strive to show the world «in all its 'fullness and complexity'». The authors' choice of the genre form «collection of short stories» allows the most complete realization of the idea. The author of the article analyzes a work of fiction – K. Saimak's novel «The City». The phenomenon of hybridity is noted both in the world fantastic literature and in movie fiction on a literary basis. «The City» by K. Saimak is characterized by «polyphony», the depth of philosophical content (R. Arbitman) [1, 330]. In the article, our hypothesis is that the novel «The City» is a complex multilevel artistic whole, which is simultaneously a novel and a philological investigation.

The previous experience of reading «The City» in literary studies, comprehension of the unique conception of this work, its novel problematics are invaluable, thanks to which at the present moment the prospects for studying the specifics of K. Saimak's genre thinking, comprehending the essence of his genre experiment – genre hybridity in the work «The City» have opened up.

Keywords: genre, genre hybridity, fable, fantastic literature, K. Saimak «The City»

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Категория жанра в свете новых исследований в литературоведении: жанровая гибридность (К. Саймак «Город») // Libri Magistri. 2024. № 1 (27). С. 20–34.

Поступила в редакцию 25.03.2024

РАЗДЕЛ III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ

УДК 811
ББК 81.1

М. М. Петросян¹

ORCID: 0009-0001-8170-424X

*Башкирский государственный медицинский университет
450008, Россия, г. Уфа, ул. Ленина, д. 3
merryhappy2013@yandex.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В МЕДИАМЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья анализирует медиамедицинский дискурс как интердискурсивное явление, возникшее на стыке медиа и медицинских наук. В центре внимания – передача медицинской информации через масс-медиа, что приводит к формированию нового типа дискурса, насыщенного элементами интердискурсивности. Цель исследования заключается в анализе особенностей актуализации категории интердискурсивности в медиамедицинском дискурсе на примере блогов медицинской тематики в Telegram. Методы исследования включают описательный, дискурсивный и контекстуальный анализ, а также методы сплошной выборки для сбора и анализа данных из русскоязычных медицинских блогов на платформе Telegram. Авторы акцентируют внимание на том, как медицинский дискурс интегрируется в интернет-дискурс, превращаясь в медиамедицинский интердискурс, который активно трансформируется в современном медиапространстве. Теоретическая значимость работы заключается в применении интердискурсивного подхода к анализу медицинских коммуникаций, что способствует более глубокому пониманию процессов трансформации медицинских знаний в медиа. Практическая новизна исследования обусловлена возможностью использования его результатов в образовательных

---

¹ Петросян Мерри Мгеровна, старший преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации, Башкирский государственный медицинский университет, г. Уфа, Россия.

программах для медицинских работников и журналистов, что улучшит качество медицинской коммуникации и понимание взаимодействия медицинского и медиального дискурсов. Результаты подчеркивают актуальность интердискурсивного подхода в условиях глобализации и развития технологий, указывая на необходимость дальнейших исследований для оптимизации передачи медицинской информации в общественное пространство. Кроме того, статья вносит вклад в понимание механизмов интердискурсивности в медиамедицинском дискурсе, подчеркивая его роль в формировании общественного мнения и поведения в области здравоохранения. Понимание этих процессов критически важно для разработки стратегий коммуникации, которые улучшат качество передачи медицинской информации через медиа.

Ключевые слова: дискурс, медиамедицинский дискурс, интернет-дискурс, интердискурс, социальные сет, блоги, медиа

Введение. Медиамедицинский дискурс, возникший на стыке медиа и медицинских наук, представляет собой яркий пример интердискурсивной практики. Он включает в себя передачу медицинских знаний через массовые медиа, что позволяет говорить о слиянии медицинского дискурса с интернет-дискурсом, образующем особое интердискурсивное пространство. Медиамедицинский дискурс представляет собой специфическое коммуникативное явление, находящееся на пересечении медицинского и медиального дискурсов. В условиях современных технологий и глобализации информационного пространства его значение значительно возрастает. Изучение медиамедицинского дискурса позволяет понять, как медицинская информация трансформируется и адаптируется для широкой аудитории через медиа.

Современные средства массовой информации играют ключевую роль в распространении медицинской информации. Журналисты и редакторы адаптируют сложные медицинские понятия для широкого круга читателей и зрителей, обеспечивая доступность и понятность этих данных. Этот процесс включает использование упрощенной терминологии, метафор и аналогий, что позволяет неспециалистам лучше понимать сложные медицинские концепты.

В данной статье рассматривается медиамедицинский дискурс как интердискурс, который активно формируется и трансформируется в современном информационном пространстве. Цель исследования – анализ особенностей актуализации категории интердискурсивности

в медиамедицинском дискурсе. Материалом нашего исследования послужили блоги медицинской тематики социальной сети Telegram.

Теоретической новизной данной работы является интердискурсивный подход к анализу медицинских коммуникаций. Так, введение интердискурсивного подхода в анализ медицинских коммуникаций позволяет более полно понять процесс трансформации медицинских знаний при их передаче через медиа. Это создает основу для дальнейших исследований в области лингвистики и коммуникации.

Практическая новизна исследования заключается в поддержке образовательных программ для медицинских работников и журналистов. Результаты исследования могут быть использованы в образовательных программах для медицинских работников, а также журналистов. Это поможет им лучше понимать механизмы взаимодействия медицинского и медиального дискурсов и эффективно передавать медицинскую информацию.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена потребностью в более глубоком понимании механизмов взаимодействия медицинского и медиального дискурсов, а также их влияния на общественное мнение и поведение в области здравоохранения.

Обзор литературы. Дискурс как объект лингвистических исследований изучается уже довольно долго. Однако к единому определению этого понятия учёные не пришли до сих пор. Исследованием дискурса занимается множество лингвистов. Вопросам дихотомии текста и дискурса посвящены, например, исследования О. П. Касьмовой и Л. А. Линник [5]. Медицинский дискурс, являясь институциональным, также является частым предметом анализа лингвистов. Так, разные аспекты медицинского дискурса изучаются в работах Е. Н. Александровой и Р. А. Каримовой [4], Л. А. Линник [8], З. Г. Кудрявцевой [11], М. М. Петросян [10] и др. Теоретическая основа интердискурсивности, заложенная Михаилом Бахтиным и развитая Норманом Фэрклоу, помогает разобраться в сложностях и многоуровневости медиамедицинских дискурсов. Основное внимание уделяется тому, как медийные стратегии и медицинские знания переплетаются, формируя новые формы знаний и практик.

Термин «интердискурса» является ключевым в концепции развития дискурсивного анализа. Данное понятие было введено Мишелем Пешё, который определял интердискурс как сложную структуру дискурсивных образований, которая включает в себя разнообразные идеологические формации. По мнению М. Пешё,

М. М. Петросян

интердискурс объединяет различные дискурсивные поля, создавая многоуровневую сеть значений и взаимосвязей, которые отражают идеологическую насыщенность общественного диалога. Эта концепция подчеркивает, как в рамках одной дискурсивной формации могут пересекаться и взаимодействовать множество идеологических слоёв, формируя сложное и многогранное общее поле культурных и социальных практик [12, 266].

Изучение медиамедицинского дискурса охватывает работы в области медицинской коммуникации, медиадискурса и теории интердискурсивности. Понятие «интердискурсивности» также, как и термин «дискурс», является многозначным в виду различных подходов к его трактовке. Исследованием интердискурсивности занимались такие учёные, как Е. В. Белоглазова [1], С. Булло [17], Н. С. Олизько [9], М. Пешё [12], В. Е. Чернявская [15] и др.

Е. В. Белоглазова определяет интердискурсивность как процесс интеграции в текст элементов из других дискурсивных систем, что способствует обогащению его контента и структуры [1]. В свою очередь, А. В. Кремнева рассматривает интердискурсивность как взаимодействие разнообразных дискурсов внутри текста, подчеркивая, что анализ таких взаимодействий возможен только через тщательное исследование текстов как результатов дискурсивной деятельности [6, 59]. В исследовании С. Булло интердискурсивность трактуется как процесс концептуального синтеза, при котором субъекты взаимодействия активно применяют свои когнитивные ресурсы и предшествующий опыт для генерации новых смыслов и оценок текста [17, 715]. Этот подход подчёркивает, что интердискурсивность является динамическим процессом, включающим в себя сложные когнитивные операции, посредством которых происходит интеграция различных дискурсов, создавая тем самым новые смысловые конструкции и оценочные категории.

В нашем исследовании под интердискурсивностью мы будем понимать синергию нескольких видов дискурса. В медиамедицинском дискурсе категория интердискурсивности носит прагматический характер, вбирая в себя знания, а также тактики и стратегии других видов дискурса. Так, медицинский дискурс при всех своих конститутивных признаках институтивного дискурса, переходя в сферу медиа, приобретает черты медийного дискурса, становясь тем самым интердискурсом.

Материалы и методы исследования. Источниками иллюстративного материала послужили русскоязычные блоги медицинской направленности в социальной сети Telegram. Материал

был собран методом сплошной выборки. В ходе работы проанализировано свыше 100 публикаций различной тематической направленности в рамках медицинской сферы деятельности российских докторов-блогеров.

Для анализа интердискурсивности медиамедицинского дискурса в исследовании применяются методы описательного, дискурсивного и контекстуального анализа, что в комплексе позволяет получить представление об особенностях интердискурсивного взаимодействия медицинского и медийного дискурсов и сделать вывод о его прагматической цели. Кроме того, обобщение собранных теоретических данных потребовало применения таких общенаучных методов, как индуктивный и дедуктивный.

Результаты и обсуждение. Анализ материала позволил подтвердить практически неразрывное функционирование медицинского и медийного, а также зачастую рекламного и даже лично-ориентированного дискурсов в обсуждении вопросов здоровья в социальной сети Telegram. Примером такой синергии дискурсов может служить отрывок из публикации одного из врачей:

Йод необходим для синтеза гормона тироксина (Т4 – на синтез которого нужно 4 молекулы йода) и трийодтиронина (Т3 – на синтез необходимо 3 йода). Особенно необходим йод детям и беременным, а также тем, у кого есть фиброзно-кистозная мастопатия и гастрит. При его нехватке возникают выкидыши, повышается риск развития внутриутробных патологий плода, особенно нервной системы. Йод можно получать с помощью йодированной пищи (соли), воды или воздуха. Удобнее всего йод принимать в жидком виде. Удобная пипетка позволит набрать верную дозировку даже ребёнку.

Ефросини с рождения даём по 1 капле;

Юсе (4 года) и Тасе (9 лет) по 2 капли;

Старшим (13 лет) по 3 капли;

Жена на ГВ – 4 капли;

Я сам по 4-8 капель.

Заказывайте йод «Жизнибек» для всей семьи» [Эндокринолог Магеря].

В данном фрагменте автор сначала привёл медицинские факты о необходимости йода – собственно медицинский дискурс, затем перечислил членов семьи, прибегнув к личному опыту использования йода – лично-ориентированный дискурс, и закончил свою публикацию тем, что дал ссылку для покупки собственного бренда

БАДов «Жизнибек» – рекламный дискурс. Репрезентация медийного дискурса в данном случае была выражена функцией воздействия на адресата посредством отсылки к собственному опыту, применения в тексте эмодиконов, эмотивной лексики, а также опосредованного общения.

Результаты контент-анализа показывают, что медиамедицинский дискурс часто использует эмоционально окрашенную лексику, сенсационные заголовки и привлекающие внимание иллюстрации к тексту и предоставляет упрощенную информацию, что, с одной стороны, помогает в достижении цели популяризации медицинской информации, а с другой, – может влиять на общественные представления о сложных медицинских вопросах, т. е. потребителю контента медицинский характер проблем может показаться проще, чем это есть на самом деле.

Кроме того, в ней немаловажную роль играют интерактивность и семантическая адаптация. В качестве примера интерактивности медиамедицинского дискурса приведём фрагменты публикаций разных блогеров-медиков:

‘А как вы обычно моете фрукты, овощи, зелень и ягоды? Делитесь в комментариях’ [Доктор Зубарева].

‘А что для вас важно при выборе врача? На что смотрите?’ [Регина Доктор].

‘Пишите в комментариях, если нужно подробнее рассказать про гиперпаратиреоз’ [Доктор Хан].

Все приведённые выше примеры иллюстрируют интерактивный характер взаимодействия медицинских работников с аудиторией читателей. Врачи не просто готовы к взаимодействию, но и намеренно заканчивают тексты своих публикаций вопросами или призывом написать что-то в комментариях, тем самым побуждая подписчиков к интеракции.

Заключение. Категории интердискурсивности реализуется в медиамедицинском дискурсе социальной сети Telegram посредством эффективной синергии различных видов дискурса в рамках блогов медицинской направленности. Его структура и функции направлены на популяризацию медицинской информации, формирование общественного мнения и поддержание общественного здоровья. Однако нередко блогеры также используют медиасферу своих медицинских блогов с целью создания и расширения личного бренда, а также продажу своих услуг и продукции.

Кроме того, результаты исследования показывают, что интердискурсивность медиамедицинского дискурса

характеризуется семантической адаптацией и интерактивностью. Эти особенности способствуют эффективной адаптации медицинской информации для неспециалистов и повышают ее восприятие и доверие к ней.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более глубокое понимание специфики медиамедицинского дискурса в различных культурных контекстах и его эволюцию в условиях стремительного развития медиатехнологий. Это поможет разработать более эффективные стратегии коммуникации и повысить качество передачи медицинской информации через медиа.

Материалы исследования

1. Блог Доктора Хана. URL: <https://t.me/doctorkhanstanislav>
2. Блог Эндокринолога Магери. URL: <https://t.me/magerya>
3. Блог Доктора Зубаревой. URL: https://t.me/doctor_zubareva
4. Блог Регины Доктор. URL: https://t.me/regina_doctor

Список литературы

1. Белоглазова Е. В. Интердискурсивность // Дискурс-Пи. 2010. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (дата обращения: 26.05.2024).
2. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета, 2016. Серия 10. Журналистика. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy> (дата обращения 10 октября 2023 года).
3. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград – Саратов, 1998: Перемена. С. 185–197.
4. Каримова Р. А. Аспекты медицинского дискурса в сфере медиа / Р. А. Каримова, Е. Н. Александрова // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Леонида Михайловича Васильева и профессора Мусалии Галеевны Хайруллиной, Уфа, 08–09 декабря 2016 года / Редакционная коллегия: В. Л. Ибрагимов (отв. ред.); О. П. Касимова (зам. отв. ред.); Л. А. Киселева; Л. А. Сергеева; Р. И. Гузь (отв. секретарь). Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 202-206.

М. М. Петросян

5. Касымова О. П., Линник Л. А. «Дискурс» и «Текст»: взаимодействие и дифференциация терминопонятий // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 3. С. 785-789.
6. Кожарнович М. П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски // Медиалингвистика, 2021. Т. 8. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://medialing.ru/mediatizaciya-medicinskogo-diskursa-sposoby-atributy-i-riski/> (дата обращения: 10.10.2023 года).
7. Кремнева А. В. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедальность: точки соприкосновения // Филология и человек. 2017. №2. С. 57—70.
8. Линник Л. А. Медицинский дискурс: образы автора и адресата // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25-1. С. 179-181. .
9. Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник ЧелГУ. 2007. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (дата обращения: 26.05.2024).
10. Петросян М. М. Языковые особенности горизонтально и вертикально направленной коммуникации в медицинском дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №8 (44). URL: <https://rulb.org/archive/8-44-2023-august/10.18454/RULB.2023.44.40> (дата обращения: 26.05.2024).
11. Петросян, М. М., Кудрявцева З. Г. Стратегии и тактики речевого воздействия в медицинском медиадискурсе // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве и профессиональной коммуникации: Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, Брянск, 29 октября 2021 года / Под ред. И. Н. Никитиной, Н. В. Трошиной. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2021. С. 81-90.
12. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Москва: Прогресс, 1999. С. 225–291.
13. Пивоварчик Т. А. Сетевой медицинский дискурс Байнета: культура коммуникаций. Коммуникативные исследования, 2019. Т. 6. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-meditsinskiy-diskurs-bayneta-kultura-kommunikatsiy> (дата обращения 10 октября 2023 года).
14. Таюпова О. И. Медиамедицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой

журнальной периодики) // Российский гуманитарный журнал, 2019. Т. 8. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediameditsinskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-na-materiale-sovremennoy-nemetskoj-zhurnalnoy-periodiki> (дата обращения 10 октября 2023 года).

15. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва, 2009.

16. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2013.

17. Bullo S. Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: the case of conceptual blending // *Language and Cognition*/ 2017. № 9. Pp. 709-727.

18. Jianguo W. Understanding interdiscursivity: a pragmatic model. *Journal of Cambridge Studies*. 2011. № 6. Pp. 95-115. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/35281946.pdf> (accessed 23.05.2024).

References

1. Beloglazova E. V. Interdiskursivnost' // *Diskurs-Pi*. 2010. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (data obrashheniya: 26.05.2024). (In Russ.)

2. Gureeva A. N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v2011 usloviyah cifrovoy sredy // *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2016. Seriya 10. Zhurnalistika. № 6. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy> (data obrashheniya 10 oktjabrja 2023 goda). (In Russ.)

3. Karasik V.I. O kategorijah diskursa // *Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty: sb. nauch. tr. Volgograd – Saratov*, 1998: Peremena. Pp. 185–197. (In Russ.)

4. Karimova R. A. Aspekty medicinskogo diskursa v sfere media / R. A. Karimova, E. N. Aleksandrova // *Slavjanskije jetnosy, jazyki i kul'tury v sovremennom mire: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj pamjati professora Leonida Mihajlovicha Vasil'eva i professora Musalii Galeevny Hajrullinoy*, Ufa, 08–09 dekabrja 2016 goda / Redakcionnaja kollegija: V. L. Ibragimova (otv. red.); O. P. Kasymova (zam. otv. red.); L. A. Kiseleva; L. A. Sergeeva; R. I. Guz' (otv. sekretar'). – Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2016. Pp. 202-206. (In Russ.)

5. Kasymova O. P. «Diskurs» i «Tekst»: vzaimodejstvie i differenciacija terminoponjatij / O. P. Kasymova, L. A. Linnik // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2017. T. 22, № 3. Pp. 785-789. Kozharnovich

М. М. Петросян

М.Р. Mediatizacija medicinskogo diskursa: sposoby, atributy i riski. Medialingvistika, 2021. T. 8. № 4. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://medialing.ru/mediatizaciya-medicinskogo-diskursa-sposoby-atributy-i-riski/> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2023 goda). (In Russ.)

6. Kozharnovich M. P. Mediatization of medical discourse: ways, attributes and risks // Medialinguistics, 2021. T. 8. № 4. [Electronic resource]. URL: <https://medialing.ru/mediatizaciya-medicinskogo-diskursa-sposoby-atributy-i-riski/> (date of address: October 10, 2023).

7. Kremneva A. V. Intertekstual'nost', interdiskursivnost', intermedial'nost': točki soprikosovenija // Filologija i chelovek. 2017. №2. Pp 57-70. (In Russ.)

8. Linnik L. A. Medicinskij diskurs: obrazy avtora i adresata // Lingvoritoricheskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty. 2020. № 25-1. Pp 79-181. (In Russ.)

9. Oliz'ko Natal'ja Sergeevna Interdiskursivnost' kak kategorija postmodernistskogo pis'ma // Vestnik ChelGU. 2007. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (data obrashhenija: 26.05.2024). (In Russ.)

10. Petrosjan M. M. Jazykovye osobennosti gorizontal'no i vertikal'no napravlennoj kommunikacii v medicinskom diskurse // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №8 (44). URL: <https://rulb.org/archive/8-44-2023-august/10.18454/RULB.2023.44.40> (data obrashhenija: 26.05.2024). (In Russ.)

11. Petrosjan, M. M. Strategii i taktiki rechevogo vozdejstvija v medicinskom mediadiskurse / M. M. Petrosjan, Z. G. Kudrjavceva // Russkij jazyk i russkaja literatura v polikul'turnom prostranstve i professional'noj kommunikacii: Sbornik dokladov uchastnikov Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Brjansk, 29 oktjabrja 2021 goda / Pod redakciej I. N. Nikitinoj, N. V. Troshinoj. Brjansk: Brjanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo, 2021. Pp. 81-90. (In Russ.)

12. Peshjo M. Propisnye istiny. Lingvistika, semantika, filosofija // Kvadratura smysla. Francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: Progress, 1999. S. 225–291. (In Russ.)

13. Pivovarchik T.A. Setevoj medicinskij diskurs Bajneta: kul'tura komunikacij. Kommunikativnye issledovanija, 2019. T. 6. № 3. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-meditsinskiy-diskurs-bajneta-kultura-kommunikatsiy> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2023 goda). (In Russ.)

14. Tajupova O. I. Mediamedicinskij diskurs kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija (na materiale sovremennoj nemeckoj

zhurnal'noj periodiki) // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal, 2019. T. 8. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediameditsinskiy-diskurs-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-na-materiale-sovremennoy-nemetskoj-zhurnalnoj-periodiki> (data obrashhenija 10 oktjabrja 2023 goda). (In Russ.)

15. Chernjavskaja V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. M., 2009. (In Russ.)

16. Chernjavskaja V. E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. Moscow: FLINTA, Nauka, 2013 (In Russ.)

17. Bullo, S. (2017). Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: the case of conceptual blending. *Language and Cognition*, 9, 709-727. (In Eng.)

18. Jianguo W. 2011. Understanding interdiscursivity: a pragmatic model. *Journal of Cambridge Studies*, 6: 95-115. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/35281946.pdf> (accessed 23.05.2024). (In Eng.)

ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF INTERDISCURSIVITY IN MEDIA MEDICAL DISCOURSE

Merri M. Petrosyan

senior lecturer of Department of the Russian language,
linguistics and international communication
Bashkir State Medical University
(Ufa, Russia)

Abstract

The article analyzes the media medical discourse as an interdiscursive phenomenon that emerged at the junction of media and medical sciences. The focus is on the transmission of medical information through the mass media, which leads to the formation of a new type of discourse saturated with elements of interdiscursivity. The purpose of the study is to analyze the features of the actualization of the category of interdiscursivity in the media medical discourse using the example of medical blogs in Telegram. The research methods include descriptive, discursive and contextual analysis, as well as continuous sampling methods for collecting and analyzing data from Russian-language medical blogs on the Telegram platform. The authors focus on how medical discourse is integrated into Internet discourse, turning into a media-medical interdiscourse, which is actively transforming in the modern media space. The theoretical significance of the work lies in the application of an interdiscursive approach to the analysis of medical communications, which contributes to a deeper understanding of the processes

М. М. Петросян

of transformation of medical knowledge in the media. The practical novelty of the research is determined by the possibility of using its results in educational programs for medical professionals and journalists, which will improve the quality of medical communication and understanding of the interaction of medical and medial discourses. The results emphasize the relevance of the interdiscursive approach in the context of globalization and technological development, indicating the need for further research to optimize the transfer of medical information to the public space. In addition, the article contributes to the understanding of the mechanisms of interdiscursivity in media medical discourse, emphasizing its role in shaping public opinion and behavior in the field of healthcare. Understanding these processes is critical for developing communication strategies that will improve the quality of medical information transmission through the media.

Keywords: discourse, media medical discourse, Internet discourse, interdiscourse, social networks, blogs, media

Для цитирования: Петросян М. М. Актуализация категории интердискурсивности в медиамедицинском дискурсе // Libri Magistri. 2024. № 2 (28). С. 35–46.

Поступила в редакцию 16.05.2024

УДК 811
ББК 81.1

Л. Р. Хакимьянова¹

ORCID: 0009-0003-7058-8436

*Башкирский государственный медицинский университет
450008, Россия, г. Уфа, ул. Ленина, д. 3
khak_leysan@mail.ru*

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММЫ «О САМОМ ГЛАВНОМ»)

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного научного анализа речевых средств в медицинском медиадискурсе в связи с их влиянием на мировоззрение, поведение и физическое состояние объектов коммуникации. Цель данной статьи состоит в установлении речевых стратегий и тактик, применяемых субъектом медиакommunikации и воздействующих на целевую аудиторию. В рамках статьи представлен теоретический обзор научных работ по исследованию речевого воздействия и речевого общения, даны определения понятиям субъекта и объекта коммуникации, речевого воздействия, речевой стратегии и речевой тактики. В работе рассматривается реализация стратегий и тактик в телевизионном медицинском дискурсе на примере анализа выпуска передачи «О самом главном» от 12.01.2024. Автором анализируется речевое поведение врача и телеведущего А. Л. Мясникова и выявляется применение субъектом коммуникации стратегии манипулятивного воздействия и стратегии убеждения. Для реализации первой телеведущий использует тактики приведения примера, внесения элемента неформальности, кооперации, юмора и прямого призыва к действию. Данные тактики выражаются с помощью употребления лексики разговорного стиля речи, синтаксических конструкций с личным местоимением «мы», повествования о своем жизненном опыте, что оказывает воздействие на эмоции и сознание слушателей. Стратегия убеждения осуществляется посредством тактик популяризации знаний, ссылки на авторитет и применения

---

¹ Хакимьянова Лейсан Ришатовна – преподаватель кафедры русского языка, лингвистики и международной коммуникации, Башкирский государственный медицинский университет, г. Уфа, Республика Башкирия, Россия.

риторических вопросов. Применение общеупотребительной лексики вместо медицинских терминов, четкой аргументации и построения высказываний, начинающихся с вопросов и ответов, следующих за ними, способствует результативному донесению информации до объектов коммуникации.

Ключевые слова: медиадискурс, медицинский дискурс, речевое воздействие, стратегии речевого воздействия, тактики речевого воздействия

Введение. Научные исследования речевого воздействия зарождаются в риторике – науке, обучающей эффективному влиянию на слушателей в процессе публичных выступлений. Первая школа, обучающая эффективному общению, была открыта в 1912 г. Дейлом Карнеги, который является основоположником преподавания практического применения речевого воздействия [12, 5]. Для успешной реализации речевого воздействия необходимы не только эффективные средства/инструменты такого воздействия, но и субъект и объект речевого акта.

Субъект речевого воздействия – это коммуникант, регулирующий коммуникативный акт и оказывающий влияние на своего собеседника. При помощи вербальных и невербальных средств субъект способен побудить адресата на ту или иную деятельность, изменить его поведение, мнение и решение в необходимом ему направлении [11, 119]. Субъектами коммуникации в процессе общения применяются различные речевые стратегии и тактики.

Большинство исследователей отмечают, что речевое воздействие является наукой, рассматриваемой в интеграции с рядом дисциплин, таких как лингвистика, психолингвистика, риторика, психология, социология, лингвистика и когнитивистика. О. С. Иссерс отмечает, что «отдельные стороны и аспекты процесса речевой регуляции поведения человека интенсивно исследуется и лингвистами, и психологами, и представителями других смежных дисциплин, ориентированных на человека говорящего» [4, 20–21]. В отечественной лингвистике особый интерес к изучению феномена речевого воздействия проявили учёные А. А. Леонтьев [6], А. Н. Баранов [1], О. С. Иссерс [4], Е. В. Падучева [10], И. А. Стернин [12], Н. А. Миронова [7] и др.

Актуальность нашей работы обусловлена, тем что изучение организации речевых приемов субъекта медиакommunikации для результативной передачи медицинской информации необходимо

в связи с воздействием последних на поведение и образ жизни массовой аудитории. Целью данной работы является выявление стратегий и тактик, способствующих речевому воздействию субъекта на объект коммуникации.

Речевое воздействие в конце XX века определяется как наука об эффективном общении и до сих пор вызывает значительный интерес в современной лингвистике и смежных с ней дисциплинах. По мнению И. А. Стернина, речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи и невербальных средств для достижения говорящими целей коммуникативного акта [12, 5]. Н. А. Миронова утверждает, что речевое воздействие – это влияние на поведение и сознание человека разнообразными языковыми средствами (аллитерация, ассонанс, просодические средства, эвфемизмы, обращения и др.) [7, 112–117]. О. С. Иссерс говорит о речевом воздействии как о речевом общении в аспекте его мотивационной обусловленности и целенаправленности [4, 21]. З. Г. Кудрявцева и М. М. Петросян рассматривают речевое воздействие как целенаправленную речевую коммуникацию между субъектом и объектом [5, 82]. В своей работе мы придерживаемся следующего определения: речевое воздействие – это целенаправленное воздействие участников коммуникации друг на друга посредством вербальных средств для достижения тех или иных результатов.

Материалом для анализа послужил выпуск передачи «О самом главном» с доктором Александром Леонидовичем Мясниковым на телеканале «Россия 1» от 12.01.2024. Медицинские телевизионные программы играют значительную роль в популяризации медицины. Они оказывают влияние на поведение, мысли и убеждения аудитории. В целом, телевидение является важным инструментом воздействия на общественное мнение. Применяемые речевые стратегии и тактики в телевизионных программах формируют отношение огромной целевой аудитории к тому или иному явлению, показывая его в определенном свете, и помогают достичь необходимых результатов. Соответственно вопрос исследования речевого поведения деятелей телевидения всегда актуален. Стратегия – это организация речевого поведения, направленная на достижение целей коммуникации [4, 63]. По мнению С. А. Сухих, речевая стратегия формирует конкретный порядок действий согласно плану или установкам говорящего. Организация стратегий и их реализация зависят от степени знакомства участников коммуникации, «от поводов и социальных диспозиций личности» [13, 72–74]. Стратегии репрезентуются при помощи

речевых тактик. Речевые тактики – это способы и методы достижения коммуникативной стратегии [4, 63]:

В исследуемом нами звучащем тексте реализованы такие стратегии, как манипулятивного воздействия и убеждения. Рассмотрим каждую в отдельности.

1. Реализация стратегии манипулятивного воздействия

Стратегия манипулятивного воздействия – совокупность языковых действий, используемых адресантом речевого акта с целью трансформации его поведения и сознания без его осознанного согласия. Для реализации данной стратегии, доктор А. Мясников в данном выпуске передачи применяет следующие тактики: приведение примера, внесение элемента неформальности, кооперация, юмор и прямой призыв к действию.

Тактика приведения примера реализуется, в частности, повествованием о своем жизненном опыте для создания у зрителей атмосферы доверия и дружбы. Так, информируя аудиторию о вреде спазмолитиков, доктор демонстрирует побочные эффекты данной группы лекарств, подкрепляя этот опыт собственной жизни: *«Я вот как-то считал, что это безопасная вещь. У меня ... как-то редко что-то болит. Не, у меня вообще все болит. Каждое утро болит все. Это значит, надо просто встал и пошёл. А тут что-то спина разболелась, разболелась. А мне в аэропорт. Я понимаю, что это мышечный спазм, потому что я вот че-то повернулся. И я своей там... зав. отделением неврологии говорю: «Наташ, принеси мне какое-нибудь, че-нибудь. Я выпью таблетку, у меня спазм, и я поеду в аэропорт»... Минут 20–30 прошло. Я уже чувствую, я теряю сознание, я вообще не понимаю, что происходит... Я, как дурак, останавливаюсь около стенки. Я думаю: «Интересно, меня щас на рейс не пустят. Скажут, что я пьяный». То есть вот такой побочный эффект на голову, на сонливость. Такого я не испытывал. Это с одной таблетки! (смеется)»*. Кроме того, в данном отрывке он использует тактику внесения элемента неформальности и применяет разговорный стиль речи (*че-нибудь, че-то, щас, как на собаке, как дурак, схлюпывать*) для большей доступности информации для аудитории, тем самым привлекая внимание слушателей и удерживая его.

Также с целью установления и поддержания близкого контакта с собеседником врач использует тактику кооперации, применяя конструкции с личным местоимением «мы» вместо «вы»: *«Мы делаем массу ошибок, для нас все это непонятно. Почему у нас часто не помогают обезболивающие? У нас все до куча, нам все равно», «Ладно, будем внимательны к своему здоровью. Мелочей не бывает.*

Все у нас будет хорошо». Таким образом ведущий не только располагает к себе, но и демонстрирует свое участие.

Другая тактика, используемая в рамках стратегии манипулятивного воздействия А. Мясниковым, – тактика юмора. Данная речевая тактика является особенно эффективной при повествовании забавных ситуаций из жизни. Юмор способствует достижению успеха в различных коммуникативных актах. Так, говоря с шеф-поваром о хранении продуктов в холодильнике, А. Мясников приводит примеры хранения лекарств: *«Я, знаешь, что нашел сегодня утром? Кстати, только час вспомнил. Я полез, бумажку искал, вдруг смотрю – облатка лекарств в коробке, где у меня письменные принадлежности. Почему там? Не знаю. Стрептоцид нашел. Это когда? Я молодым был, когда был еще стрептоцид. Не пожелтел, смотрю, вроде ничего. А я знаешь как стрептоцид раньше использовал? Я его ложкой вот так разминал и на рану сыпал. Заживало как на собаке»*.

Таким образом, стратегия манипуляции выражается в изучаемом нами тексте посредством речевых тактик, воздействующих на эмоциональный фон, критическое мышление, доверие и желание зрителей. Данные речевые тактики осуществляются при помощи использования разговорного функционального стиля речи, определенной лексики, синтаксических конструкций, грамматики и средств выразительности.

2. Реализация стратегии убеждения

Стратегия убеждения – комплекс речевых действий, применяемый субъектом коммуникации с целью изменения поведения, мнения и убеждения объекта. В звучащем тексте, адресант, доктор А. Мясников, для реализации данной стратегии в анализируемом выпуске передачи применяет следующие тактики: популяризация знаний, ссылка на авторитет и применение риторических вопросов.

В телевизионной программе А. Мясников применяет тактику популяризации знаний, объясняя сложные медицинские термины и концепции общедоступным и понятным языком, так как основной целевой аудиторией являются люди пожилого возраста, не имеющих медицинского образования. Тем самым доктор соблюдает коммуникативные нормы, способствуя тому, чтобы зрители могли легко понять все его рекомендации (*«Вот зверь – метимизол натрия. Вы понимаете, о чем речь идет? Это анальгин. Этого никто не знает (указывает на метимизол натрия), а этого знают все (указывает на анальгин)»*), *«(Указывает на надпись «ацетилсалициловая кислота») а это, между прочим, аспирин»*, *«Это все в принципы препараты*

из группы нестероидных. Противовоспалительные. То есть они работают там, где есть воспаление. Далеко не везде есть воспаления», «При фибромиалгии, когда болит все тело и когда нажимаешь пальцами, везде больно, там нету воспаления», «Они блокируют действие простагландинов – биологически активных веществ, которые защищают желудок», «На самом деле газообразование – это естественный процесс. Основное количество газов получается, когда мы едим, сглатываем воздух. Всегда с каждым глотком мы складываем чуть-чуть воздуха»).

Особенно эффективной является речевая тактика ссылки на авторитет, которую доктор Мясников использует в своей речи, чтобы убедить зрителей в правильности и достоверности своих слов: *«Это не я, это статья американских ученых про газы», «Это настолько серьезно, что в Америке запрещают добавлять парацетамол в эти все порошки», «В такой стране, как Америка, 12% рецептов выписываются на обезболивающие».*

Для акцентирования внимания на важных моментах, телеведущий употребляет тактику применения риторических вопросов: *«Вам интересно? Я расскажу», «Какие самые распространенные среди нас лекарства? Ну, конечно, обезболивающие», «Защемление нерва – это воспаление? Нет».*

Так, стратегия убеждения реализуется в рассматриваемом нами материале через вышеперечисленные речевые тактики, благодаря которым телеведущий А. Мясников уверяет целевую аудиторию в достоверности своих знаний и эффективно доносит информацию до нее посредством уместной лексики, синтаксических конструкций и аргументации.

Заключение. Таким образом, на основе произведенного анализа можно сделать вывод, что в приведенном выпуске телевизионной передачи воздействие на аудиторию реализуется через применение определенных стратегий и тактик, способствующих эффективному донесению необходимой информации до массового зрителя, убеждения в достоверности данных рекомендаций, трансформации мышления и поступков целевой аудитории. В выпуске передачи «О самом главном», повествующем о вреде от обезболивающих, правильном хранении продуктов, метеоризме, телеведущий Александр Мясников оказывает влияние с помощью стратегий манипулятивного воздействия и убеждения, которые направлены на установление тесных взаимоотношений и контакта со зрителями, изменение их поведения и убеждений. Данные стратегии воплощаются посредством речевых тактик, использования различных функциональных стилей

(разговорного и научного), четкой аргументации, юмора, описания жизненного опыта и применения средств выразительности.

Список источников

1. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). Москва: Знание, 1990. 63 с.
2. Волкова Е. В. Коммуникативное поведение профессиональной языковой личности врача в медиадискурсе (на материале телевизионных программ о здоровье) // Медиалингвистика, 2022. Т. 9, № 4. С. 396–392.
3. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. №4. С. 53–58.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
5. Кудрявцева З. Г., Петросян М. М. Стратегии и тактики речевого воздействия в медицинском медиадискурсе // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве и профессиональной коммуникации: сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции / под ред. И. Н. Никитиной, Н. В. Трошиной. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2021. С. 81–90.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. 8-е. Москва: Ленанд, 2014. 211 с.
7. Миронова Н. Речевое воздействие и его инструменты // Дошкольное воспитание. 2009. №6. С. 112–117.
8. Низкая Н.С. Методология речевого воздействия // Вестник АмГУ. 2009. № 46. С. 102–104.
9. О самом главном. Вред от обезболивающих, правильное хранение продуктов, метеоризм. Вып. от 12.01.2024. URL: <https://smotrim.ru/video/2742770> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Москва: Наука, 1985. 272 с.
11. Полякова Л. С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118–121.
12. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
13. Сухих С. А. Структура коммуникантов в общении // Языковое общение: процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1988. С. 22–29.

14. Третьякова В. С. Речевое воздействие и способы его оптимизации в межличностном общении / Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал.гос. пед. ун-т; отв. ред. В. Н. Томашпольский, А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2000. Т. 5. С. 82–93.

REFERENCES

1. Baranov A.N. Chto nas ubezhdает? (Rechevoe vozdejstvie i obshchestvennoe so-znanie). Moscow: Znanie, 1990. 63 p. (In Rus.)
2. Volkova E.V. Kommunikativnoe povedenie professional'noj yazykovoj lichnosti vracha v mediadiskurse (na materiale televizionnyh programm o zdorov'e) // Medialingvistika, 2022. Vol. 9. № 4. Pp. 396–392. (In Rus.)
3. Grishechko E.G. Opredelenie ponyatiya rechevogo vozdejstviya i vidy etogo vozdejstviya // Gumanitarnye i social'nye nauki, 2008. №4. Pp. 53–58. (In Rus.)
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi. Moscow: Editorial URSS, 2002. 284 p. (In Rus.)
5. Kudryavceva Z.G., Petrosyan M.M. Strategii i taktiki rechevogo vozdejstviya v medicinskom mediadiskurse // Russkij yazyk i russkaya literatura v polikul'turnom prostranstve i professional'noj kommunikacii: sbornik dokladov uchastnikov Nacio-nal'noj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. I.N. Nikitinoj, N.V. Troshinoj. Bryansk, 2021. Pp. 81–90. (In Rus.)
6. Leont'ev A. A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. Izd. 8-e. Moscow: Lenand, 2014. 211 p. (In Rus.)
7. Mironova N. Rechevoe vozdejstvie i ego instrumenty / Doshkol. vospita-nie. (Professiya-pedagog). 2009. №6. Pp. 112–117. (In Rus.)
8. Nizkaya N.S. Metodologiya rechevogo vozdejstviya // Vestnik AmGU, 2009. №46. Pp. 102–104. (In Rus.)
9. O samom glavnom. Vred ot obezbolivayushchih, pravil'noe hranenie produk-tov, meteorizm. Vypusk ot 12.01.2024. URL: <https://smotrim.ru/video/2742770> (data obrashhenija: 20.02.2024). (In Rus.)
10. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu. Moscow, 1985. 272 p. (In Rus.)
11. Polyakova L.S. Rechevoe vozdejstvie: teoreticheskie aspekty // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki, 2010. Pp. 118–121. (In Rus.)
12. Sternin I.A. Osnovy rechevogo vozdejstviya: uchebnoe izdanie. Voronezh: Istoki, 2012. 178 p. (In Rus.)

13. Suhih S.A. Struktura kommunikantov v obshchenii // Yazykovoe obshchenie: processy i edinicy: mezhvuz. sb. nauch. tr. Kalinin: KGU, 1988. (In Rus.)

14. Tret'yakova V. S. Rechevoe vozdejstvie i sposoby ego optimizacii v mezh-lichnostnom obshchenii / Lingvistika: byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva / Ural.gos. ped. un-t; otv. red. V. N. Tomashpol'skij, A. P. Chudinov. Ekaterinburg, 2000. Vol. 5. Pp. 82–93. (In Rus.)

STRATEGIES AND TACTICS FOR IMPLEMENTING SPEECH
INFLUENCE IN MEDIA COMMUNICATIONS (BASED
ON THE MATERIAL OF THE PROGRAM «O SAMOM GLAVNOM»)

Leysan R. Khakimyanova

teacher of the Russian language department,
linguistics and international communication

Bashkir State Medical University

(Ufa, Russia)

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need for a systematic scientific analysis of speech means in medical media discourse in connection with their influence on the worldview, behavior and physical condition of communication objects. The purpose of this article is to establish speech strategies and tactics used by the subject of media communication and influencing the target audience. Within the framework of the article, a theoretical review of scientific works on the study of speech influence and speech communication is presented, definitions are given to the concepts of subject and object of communication, speech influence, speech strategy and speech tactics. The paper examines the implementation of strategies and tactics in television medical discourse using the example of an analysis of the release of the program “About the Most Important Thing” dated January 12, 2024. The author analyzes the speech behavior of the doctor and TV presenter A.L. Myasnikov and reveals the use by the subject of communication of the strategy of manipulative influence and the strategy of persuasion. To implement the first, the TV presenter uses the tactics of leading by example, introducing an element of informality, cooperation, humor and a direct call to action. These tactics are expressed through the use of conversational vocabulary, syntactic structures with the personal pronoun “we,” and narration about one’s life experiences, which affects the emotions and consciousness of listeners. The persuasion strategy is carried out through tactics of popularizing knowledge, citing authority and using rhetorical questions. The use of commonly used

Л. Р. Хакимьянова

vocabulary instead of medical terms, clear argumentation and construction of statements starting with questions and answers following them contributes to the effective delivery of information to the objects of communication.

Keywords: media discourse, medical discourse, speech influence, speech influence strategies, speech influence tactics

Для цитирования: Хакимьянова Л. Р. Стратегии и тактики реализации речевого воздействия в медиакоммуникации (на материале программы «О самом главном») // Libri Magistri. 2024. № 1 (27). С. 47–56.

Поступила в редакцию 27.02.2024

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

ББК 78.30
УДК 021.13

М. С. Жавнерович¹
ORCID 0000-0002-8486-5364
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38
zhavnerovich2000@mail.ru

С. В. Рудакова²
ORCID 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В РОССИИ И ОБРАЗОВАНИЕ

В работе показано изменение роли библиотеки в жизни людей, ее вовлечение в образовательный процесс. Отмечается, что в истории развития библиотечного дела в XI-XVII веках библиотеки стали доступны многим городам Древней Руси, играя роль хранилищ знаний и способствуя социальному просвещению. В XVIII веке в результате реформ Петра I появились новые виды библиотеки, включая общественные библиотеки, они стали общедоступны и должны были оказывать помощь в построении сильного государства. В XIX- в начале XX вв. земства сыграли значительную роль в развитии библиотечного дела, создавая платные библиотеки и общедоступные библиотеки-читальни, что способствовало развитию библиотек для разных слоев населения и удовлетворению образовательных потребностей. В XX в. начали действовать массовые общедоступные народные библиотеки, осуществляющие образовательную и культурно-просветительскую деятельность.

С появлением компьютерных технологий в XXI веке библиотекам приходится адаптироваться к новым цифровым реалиям, внедрять инновации и решать общественные вызовы. Современные

---

¹ Жавнерович Мария Сергеевна, магистрант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

библиотеки сталкиваются с вызовом цифровой трансформации и занимаются не только сбором и хранением информации, но и проведением культурно-просветительских мероприятий и организацией различных гуманитарных и социальных проектов. Современные библиотеки активно развивают онлайн-пространство, участвуют в социальных сетях, обеспечивают доступ к информации через интернет, разрабатывают инновационные проекты и работают на улучшение доступности культурного контента для различных групп пользователей. Важное внимание в современных библиотеках уделяется детям, подросткам, лицам с ограниченными возможностями и развитию виртуальных и социальных сетей библиотек.

Ключевые слова: библиотеки, история развития, образование, индивидуальные образовательные траектории, цифровизация

Введение. История библиотечного дела в России свидетельствует о важности библиотек как центров культуры и знаний во все времена. Существование библиотек как хранилищ ценной информации и мест обучения исследователей и ученых берет начало с древних времен. История библиотек насчитывает тысячи лет и начинается с первых письменных текстов, которые требовали места для хранения и доступа. С течением времени библиотеки становились центрами культуры, образования и науки. В древних цивилизациях библиотеки были местами обмена знаний, а также символами мудрости и развития. В России библиотеки в разные исторические периоды служили не только для сберегания текстов, они влияли и на развитие образования и культуры.

Значение библиотек в обществе на протяжении веков постоянно менялось. Чтобы понять, какие сейчас существуют тенденции развития библиотечной профессии и самих современных культурных учреждений, воздействующих на обучение и на проектирование индивидуальных образовательных траекторий, необходимо проследить, какова же история развития библиотечного дела, начиная с возникновения первых данных культурных учреждений. Таким способом можно выявить, какие возможности библиотеки имели ранее для обучения, могли ли культурные учреждения участвовать в проектировании индивидуальных образовательных траекторий, как данные возможности изменились в современном обществе.

Библиотека в XI-XVII вв. Следует вспомнить, что первые библиотеки на Руси стали появляться во времена распространения славянской письменности в стране, что относится к концу X века [6]. Впервые известная библиотека была основана великим князем

киевским Ярославом Мудрым в 1037 году в Софийском соборе Киева. Эта библиотека стала самым полным собранием существовавших тогда древнерусских письменных памятников – Евангелия, книги пророков, жития святых. Также можно вспомнить еще одну известную библиотеку того периода – библиотеку в Великом Новгороде при Софийском соборе. Постепенно книгохранилища возникали и в других древнерусских городах – во Владимире, Рязани, Суздале, Муроме, Полоцке, Смоленске, Пскове [9, 18]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что книжники в Древней Руси являлись в первую очередь хранителями книг, людьми, обладающими знаниями о них. Это значит, что библиотеки могли помогать в обучении той информацией, которая содержалась только в хранящихся письменных памятниках.

Стоит отметить, что в данную эпоху существовало много монастырских библиотек, которые располагались при храмах страны. Фонд таких библиотек главным образом составляли травники, лечебники, богословские книги, художественные произведения древнерусской литературы. Монастырские библиотеки выполняли задачи просветительского учреждения, книжной мастерской и книжного склада. Это обуславливало и функции библиотечных специалистов. Они должны были участвовать в созданиях летописей, в переписи и переводе книг, но самой главной функцией по-прежнему оставалась деятельность по хранению и распространению книг, что, вероятно, положительно влияло на социальное просвещение и обучение.

Библиотека в XVI-XVII вв. В XVI-XVII вв. возникло многонациональное русское централизованное государство (Московское царство), которое стремительно набирало культурный рост. В это время появилось книгопечатание, которое способствовало ускорению изготовления и распространения книг. Поэтому уже в XV в стали появляться библиотеки разных типов. Например, помимо монастырских, возникли церковные, личные и соответствующие современным ведомственным библиотеки. Постепенно стали возникать и специализированные библиотеки, фонд которых составляли книги по лечебному делу, фармакологии, анатомии, химии, ботанике, минералогии, географии, математике и другим естественным наукам [9, 19]. Подобное развитие библиотек обусловило и расширение функций библиотекарей. Теперь они должны были работать быстрее, подстраиваясь под стремительно развивавшееся библиотечное дело на Руси, и обладать более глубокими специализированными знаниями. Можно предположить,

что на данном этапе расширились и возможности библиотек в обучении людей, так как тогда из книг могло добываться больше сведений, касающихся различных сфер социума.

Как видим, история развития библиотечного дела в XI-XVII вв. указывает на то, что библиотеки в качестве мест, где хранилась и распространялась самая ценная информация, могли воздействовать на характер обучения людей и развивать в них следующие качества: обладание специализированными сведениями, начитанность. При этом на данном этапе у библиотек еще не обнаруживается потенциал в проектировании индивидуальных образовательных траекторий.

Библиотека в XVIII в. Если говорить о библиотечном деле XVIII века, то следует упомянуть, что реформы Петра I кардинально изменили жизнь российского общества в данную эпоху. Государство стало активно развивать различные сферы жизни, в том числе и культурную. Например, в этот период была ликвидирована многовековая монополия духовенства, в употребление была введена новая гражданская азбука, стали использоваться арабские цифры, появились книги на математическую, географическую, кораблестроительную, политическую, культурно-бытовую и т. д. тематику. Кроме того, стоит отметить, что после реформ первого русского императора встал вопрос о том, чтобы создать в России библиотеки нового типа – общественные библиотеки. Они должны были стать неразрывно связанными с общественной жизнью и оказывать помощь в построении нового сильного государства [7, 50].

Перед библиотеками и библиотекарями ставятся иные задачи, помимо собирания и хранения книг: это выдача документов для чтения, обеспечение большей доступности книжных фондов для того, чтобы удовлетворить образовательные и просветительские потребности расширяющегося круга читателей. Можно сказать, что главной идеей и главной тенденцией развития библиотек стала идея общедоступности, публичности пользования библиотечными услугами читателями. Именно поэтому 2 (14) января 1814 г. состоялось открытие Императорской Публичной библиотеки. Библиотекари в данный период должны были работать, в первую очередь, с читателем [7, 50]. Это свидетельствует о том, что возможности культурных учреждений в обучении расширялись и становились доступнее для населения, если сравнивать с предыдущей эпохой.

С развитием образования библиотеки приобретали новые функции – они становились не только хранилищами книг, но и центрами обучения и исследований. Библиотекари выступали уже не

только в роли просто хранителей знаний, они становились экспертами по поиску и передаче информации.

Библиотека в к. XIX – нач. XX в. В конце XIX – начале XX в. большое значение для развития библиотек имели земства. Примечательно, что земско-библиотечное дело имело два направления: развитие платных библиотек для служащих и развитие общедоступных библиотек-читален. Можно сказать, что в данную эпоху библиотечные специалисты должны были удовлетворять образовательные и просветительские потребности разных типов читателей, работать на государственные цели.

В 1917–1918 годах начали свою деятельность массовые общедоступные народные библиотеки. На их базе стали формироваться кружки, клубы, избы-читальни, учреждения для неграмотных. Теперь библиотекари должны были участвовать в создании клубов, в проведении кружков и в культурно-просветительской деятельности читателей. Чуть позже стали проводиться и литературно-творческие вечера. Появление этих функций расширило возможности культурных учреждений в обучении людей, в том числе и в обучении грамоте и письму.

К вопросу об истории библиотек г. Магнитогорска. Примечательно, что именно в XX веке началась история библиотек города Магнитогорска. Так, в 1929 году в поселке Старая Магнитка при избе-читальне открыли библиотеку. На 1 августа 1934 года книжный фонд культурного учреждения составил более 25 тысяч экземпляров, штат сотрудников библиотеки составлял 15 специалистов. После Великой Отечественной войны в 1946–1948 годах библиотека пополнила книжный фонд литературой. В 1959 году магнитогорская библиотека предоставила для своих читателей открытый доступ к книжным фондам.

С 1970 года данное культурное учреждение является центром библиографической и краеведческой работы в городе: ведется уникальный каталог «Магнитогорск», издаются научно-вспомогательные, персональные и тематические указатели литературы.

В сферу профессиональной деятельности специалистов библиотеки Магнитогорска входит работа, направленная на интересы городского и регионального социума: работа по восстановлению мемориальных досок и памятников города, подготовка семинаров по литературному краеведению, краеведческих конкурсов, исторических и литературных викторин, подготовка материалов для

энциклопедий «Магнитогорск» и «Челябинская область». С 1980 года культурное учреждение стало носить имя Бориса Александровича Ручьева.

Следует рассказать и о первой детской библиотеке Магнитогорска. Уже в 1934 году было открыто данное культурное учреждение для детей первостроителей Магнитки. Библиотека представляла собой всего одну комнату, в которой книг было менее 500 экземпляров. В 1981 году состоялось большое событие для Центральной детской библиотеки: 1 сентября открылось новое здание по адресу проспект Ленина, 124, где библиотека располагается по сегодняшний день.

Стоит отметить, что уже в 1960–1980 годы стало понятно, в чем заключается главный недостаток не только культурных учреждений Магнитогорска, но и библиотек страны в целом. Они отличались технической отсталостью в сравнении с библиотеками других государств. Практически все российские библиотеки тогда не имели офисной техники, все процессы выполнялись лишь старыми ручными способами, в то время как за рубежом большинство библиотек уже были автоматизированы. Возможности библиотек в обучении были существенно ограничены техническими условиями.

Таким образом, в XVIII–XX вв. у библиотек появляется больше возможностей для обучения разных групп населения из-за расширения их функций и доступности. Однако при этом отсутствие автоматизации в библиотеках не позволяло им существенно воздействовать на образовательные процессы. Несмотря на появление у культурных учреждений данной эпохи потенциала в проектировании индивидуальных образовательных траекторий, он еще не развит в достаточной степени. Поэтому культурно-просветительская деятельность специалистов данного периода не могла быть инновационной, невозможно было проводить ее на самом высоком уровне.

Библиотека в XX–XXI вв. В современном обществе библиотека трансформируется еще сильнее. В настоящее время ее значение определяется уже другими вещами, что связано с изменением жизненного уклада нынешней эпохи. Например, сейчас во все сферы активно внедряются цифровые технологии, появляются новые способы передачи информации, в результате печатные издания начинают утрачивать свою актуальность [11, 88]. Ведь сейчас любой человек имеет возможность получить необходимые ему сведения из сети Интернет, веб-сайтов, электронных текстов, анимации, видеографики. Такими способами информацию можно получить очень быстро

и в любом месте, то есть дистанционно [5; 8; 16]. Это является проблемой для библиотек как книгохранилищ, поэтому в современном обществе их роль должна измениться, чтобы они не утратили своей значимости для пользователей.

В современном мире библиотеки подвержены влиянию цифровизации и технологических изменений. Электронные каталоги, базы данных, доступ к онлайн-ресурсам – все это изменяет способы хранения и предоставления информации, делая ее более доступной и удобной для пользователей. Библиотеки адаптируются к изменениям, развивая цифровые коллекции и услуги, чтобы оставаться актуальными и конкурентоспособными.

Библиотеки играют особенно важную роль в формировании навыков информационной грамотности у пользователей. С разнообразием информации, доступной в интернете, критическое мышление и умение отличать факты от мнений становятся ключевыми навыками. Здесь библиотеки выступают важными партнерами в обучении людей оценивать информацию, проверять ее достоверность и использовать её эффективно.

Кроме того, в настоящее время библиотеки превращаются в культурные учреждения с более широкими задачами. Например, здесь проводятся культурно-досуговые мероприятия, занятия клубов, оформляются выставки книжных новинок, разрабатываются инновационные и социально значимые проекты. Современные библиотеки поддерживают разнообразные образовательные программы и мероприятия, направленные на расширение кругозора и повышение образовательного уровня сообщества. Это могут быть лекции, мастер-классы, курсы и другие формы образовательных мероприятий, которые помогают людям развиваться и учиться на протяжении всей жизни. Библиотеки способствуют культурному разнообразию, предоставляя доступ к литературе, фильмам, музыке и другим художественным и культурным произведениям. Они являются местом встречи различных культур и точек зрения, способствуя толерантности и пониманию многообразия в обществе.

Библиотеки и образование тесно связаны между собой и играют важную роль в образовательном и культурном процессе. Развитие. Развитие библиотечной сферы включает в себя постоянное стремление к улучшению услуг, адаптацию к изменяющимся потребностям и внедрение современных технологий для удовлетворения запросов пользователей и обогащения образовательного опыта.

Библиотеки нынешнего века сталкиваются и с такими общественными вызовами, как переход страны на инновационную

модель социально-экономического развития, возрастание значения некоммерческого сектора в создании культурного продукта, необходимость оказания услуг в культурной сфере жизни, появление новых форм партнерства с другими учреждениями, в том числе и с образовательными, перевод ответственности за развитие и существование общедоступных библиотек на региональный и муниципальный уровень.

Чтобы справиться с подобными вызовами, были предприняты различные шаги. Например, в 2014 году начал реализовываться проект по созданию модельных библиотек нового поколения. Кроме того, стоит отметить, что стали развиваться и проекты корпоративного взаимодействия библиотек. Также была создана федеральная государственная информационная система «Национальная электронная библиотека». Все эти меры привели к тому, что количество пользователей услугами библиотек, начиная с 2018 года, после отрицательной динамики последних десятилетий имеет тенденции к росту, что указывает на востребованность культурных учреждений у граждан страны.

Следует отметить, что особое внимание в настоящий период времени уделяется некоторым категориям пользователей. Так, дети и подростки имеют право на специализированное библиотечное обслуживание. Примечательно, что количество несовершеннолетних читателей ежегодно растет в среднем на 1-2% и в данный момент составляет 40% от общего количества пользователей библиотечными услугами. Также стоит сказать и о такой категории граждан, как лица с ОВЗ и инвалиды. В настоящее время под методическим руководством специальных библиотек для незрячих ведутся работы по обеспечению доступа к библиотечным услугам слепых, слабовидящих людей и лиц с другими нарушениями зрения. Главная цель этих работ – облегчить доступ данной категории граждан к печатной информации, улучшить восприятие опубликованных произведений.

Примечательно, что теперь у каждой библиотеки есть свой сайт, где открыты виртуальные справочные службы. По статистическим данным, существует устойчивая положительная динамика посещения библиотечных сайтов. Конечно, все библиотеки, которые имеют выход в Интернет, ведут работу в своих социальных сетях. Эти социальные сети тоже активно посещаются пользователями культурных учреждений. Интересно, что в России было создано консолидированное библиотечное сообщество, которое имеет возможность решать задачи, связанные с модернизацией российских

библиотек для того, чтобы они успешно работали и функционировали в цифровой среде и составляли неотъемлемую часть глобального информационного пространства [3, 154].

Значит и возможности современной библиотеки в обучении людей, в том числе и школьников, становятся более обширными. Вклад данных культурных учреждений в образовательное и просветительское развитие детей увеличивается. Такая тенденция развивается, потому что сейчас библиотеки помогают государству решать экономические, культурные, социальные задачи с помощью мероприятий и проектов [1; 8; 12].

Также следует отметить, что библиотекарям необходимо поддерживать общение с разными категориями читателей, особое внимание следует уделять работе с лицами с ОВЗ и инвалидами. Так, современные библиотеки активно сотрудничают со школами-интернатами, помогая обучаться детям школьного возраста.

Если говорить, про магнитогорские библиотеки, то сегодня МБУК «ОГБ» развивает лучшие традиции и работает над совершенствованием библиотечного обслуживания в городе Магнитогорске. Библиотека остаётся социальным гарантом свободного доступа населения к информации. Детские библиотеки города, в свою очередь, были модернизированы в рамках проекта «Культура». В Центральной детской библиотеке, а также в некоторых филиалах, например, в филиале № 6, в филиале № 9 был сделан ремонт в 2020 году. После этого Центральная детская библиотека города Магнитогорска получила статус библиотеки нового поколения, что ещё раз указывает на её соответствие современным требованиям.

Таким образом, библиотеки XXI века становятся не просто книгохранилищами, они превращаются в пространство для обучения, творчества, культурного и эстетического развития читателей, а также в площадку для коммуникации. Особенно это актуально для детей, обучающихся в образовательных организациях.

Именно поэтому современные библиотеки имеют большое значение и возможности в обучении школьников, а также в проектировании индивидуальных образовательных траекторий обучающихся, в том числе детей с ОВЗ и инвалидностью [14, 36].

Виды современных государственных библиотек и их связь с обучением и проектированием индивидуальных образовательных траекторий. Стоит отметить, что в современном мире существуют разные виды государственных библиотек. Например, следует вспомнить о школьных библиотеках. Сегодня они становятся не только местом, где выдают учебную или художественную программную литературу, но и многофункциональным публичным пространством, где школьники могут обеспечить себе доступ к различным информационным ресурсам, к компьютерному оборудованию. Также ученики в школьных библиотеках имеют возможность пообщаться с единомышленниками, разработать концепцию собственного уникального проекта [12] и встретиться с интересными людьми [1, 135].

Сейчас выделяют определенные формы школьных библиотек: smart-библиотека (центр управления учебными ресурсами, автоматизированная система хранения документов и книговыдачи), центр коммуникаций (пространство для неформального общения и релаксации школьников), коворкинг-библиотека (пространство для реализации учебных и творческих проектов учеников и учителей) [1, 136].

Примечательно, что школьные библиотеки настоящего времени должны обеспечивать необходимые условия для обучения, которое ориентировано на самоопределение обучающегося и удовлетворение его образовательных потребностей с учетом уровня знаний, развития и индивидуальных особенностей. Все это позволяет утверждать, что в своей деятельности библиотеки реализуют индивидуальные образовательные траектории. Поэтому можно сказать, что современные школьные библиотеки имеют большое значение в обучении детей [13, 152].

Кроме того, существуют городские библиотеки. В информационном обществе данные культурные учреждения приобщают население города к книжной культуре, прививают интерес к чтению, вступают в диалог с читателем как с частью социума. Также городские библиотеки становятся площадкой для живого общения между людьми, реализуют образовательные, информационно-просветительские и воспитательные функции, участвуют в значимых мероприятиях и акциях городской культурной жизни [4, 104].

Таким образом, городские библиотеки тоже участвуют в проектировании индивидуальных образовательных траекторий, однако здесь нет настолько тесного сотрудничества со школами, как у школьных библиотек, у которых, в свою очередь, нет настолько масштабных событий, как в городской библиотеке.

Масштабность и тесное сотрудничество с государственными образовательными учреждениями объединяет в себе детская городская библиотека. Это ещё один вид современных государственных библиотек, на котором остановимся более подробно, так как именно он имеет больше всего возможностей, условий для обучения школьников и для проектирования индивидуальных образовательных траекторий.

Так, детские городские библиотеки сотрудничают с образовательными организациями в проведении массовых мероприятий, конкурсов, акций, в том числе и городских. Данные культурные учреждения реализуют проекты, особенно актуальны те проекты, которые связаны с работой с детьми с ОВЗ и с инвалидностью. Также такие библиотеки проводят занятия кружков, клубов по интересам, познавательные курсы для школьников, где ребята получают возможность не только обрести новые знания, но и познакомиться с единомышленниками, найти товарищей по интересам.

Примечательно, что в детских городских библиотеках к каждому читателю находится индивидуальный подход, благодаря чему и становится возможным грамотно и эффективно выстроить индивидуальную образовательную траекторию. Так, в этих культурных учреждениях проводится индивидуальная консультация для каждого читателя, в ходе которой изучаются его читательские предпочтения и познавательные интересы.

В современной детской городской библиотечной системе выделяются библиотеки семейного чтения, где все члены семьи имеют возможность интеллектуально провести свой досуг. Такие библиотеки являются оптимальной моделью по работе с семьей и с детьми [15, 192]. Культурные учреждения данного типа могут вносить существенный вклад в дело повышения статуса семьи как особого социального института.

Библиотеки семейного чтения призваны сохранить педагогические традиции, культуру семейных отношений, предоставить возможность творчески самовыразиться каждому члену семьи, создать все необходимые условия для постижения культурно-философских основ развития семьи с детьми.

Следует сказать, что в библиотеке семейного чтения нужно учитывать проблему личности в семье, потому что у взрослого и у ребенка будут индивидуальные особенности, под которые надо подстраиваться для осуществления творческого процесса. Это соотносится и с понятием «проектирование индивидуальных

образовательных траекторий». По данной причине в библиотеках семейного чтения стараются придерживаться принципа «параллельности», то есть одновременного получения знаний, представлений о явлениях, предметах целостной картины мира взрослым и ребенком [15, 193].

Библиотеки семейного чтения играют важную роль и в обучении школьников, так как они формируют педагогическую культуру родителей, включающую в себя создание и внедрение в практику программ чтения для родителей, помощь семье в психологически и юридических вопросах.

Стоит отметить, что для библиотек семейного чтения в центре всегда стоит вопрос о месте, значении, роли культурного учреждения в образовательном процессе, в обучении, в проектировании индивидуальных образовательных траекторий. Чтобы библиотека эффективно помогала школьникам и родителям, нужно комплексно работать с семьей, так как и родители, и дети являются неотъемлемой частью образовательного процесса.

Для этого родителям помогают осознать ценность обучения, непрерывного образования, семейного чтения, учат их пользоваться рекомендательной библиографией в целях повышения уровня педагогических знаний по работе с книгами, в том числе необходимых и для школы, лицея или гимназии.

Также в библиотеках семейного чтения фонд литературы всегда организуют под запросы каждого члена семьи, что говорит об индивидуальном подходе. Например, абонемент в культурных учреждениях данного типа может строиться следующим образом:

1. Книги для самых маленьких (от 0 до 3 лет). Рядом следует расположить книги для родителей на тему «Чтение для воспитательной работы с детьми».

2. Книги, которые можно читать всей семьей. Здесь следует собрать литературу, подходящую для совместного времяпрепровождения и интересную для каждого члена семьи.

3. Книжные новинки для детей и взрослых. Данные книги могут быть расставлены на одном стеллаже или даже на одной полке.

4. Литература для организации содержательного досуга. Книги в этом разделе чаще всего посвящены либо организации семейного досуга и отдыха, либо отдельным конкретным увлечениям, интересам и хобби.

5. Научно-познавательная литература, энциклопедии для взрослого и ребёнка. Здесь представлены издания, которые могут

быть интересны для каждого члена семьи вне зависимости от его возраста.

Такое деление дает возможность каждому члену семьи помогать друг другу в выборе книг, обмениваться мнениями и взглядами о литературе определённой тематики. В данном случае родители могут следить за тем, какие книги выбирает их ребёнок. Темы энциклопедий здесь могут меняться в зависимости от того, где располагается культурное учреждение. Это может быть центр города, окраина населённого пункта.

Также важно учитывать целевую аудиторию книг, категории читателей: рабочие, интеллигенция, люди старшего поколения. Кроме того, нужно каждый раз анализировать запросы на литературу определённой тематики. Всё это указывает на индивидуальный подход библиотек семейного чтения к своим пользователям, на возможность обучаться с помощью культурного учреждения, выстраивая собственную образовательную траекторию.

Кроме того, следует рассказать о существовании модельного стандарта городских библиотек, в том числе и детских [2, 4]. Модельные библиотеки должны представлять собой благоустроенные пространства, которые обладают технической оснащённостью, современным компьютерным оборудованием. Такие культурные учреждения являются центром притяжения местных жителей всех возрастов, если мы говорим про детские библиотеки, то внимание акцентируется на несовершеннолетних пользователях, обучающихся в школах.

Также в модельных библиотеках должны быть все условия для самореализации личности и профессионального самоопределения.

Модельный стандарт предполагает проведение в библиотеке мероприятий нестандартных форм, реализацию уникальных проектов. Ещё модельные библиотеки должны отличаться уникальным стилем, дизайном, интерьером, аутентичными деталями.

Примечательно, что главная цель детских модельных библиотек – это продвижение чтения среди детей и подростков, а также создание полезной и интересной среды для обучения и саморазвития [2, 20]. Именно поэтому можно сделать вывод, что модельные библиотеки обладают самыми широкими возможностями для обучения школьников и для проектирования индивидуальных образовательных траекторий.

В городе Магнитогорске среди детских городских библиотек модельными являются центральная детская библиотека имени Н. Г. Кондратовской, детская библиотека-филиал № 9.

Сотрудничество с этими библиотеками дает возможность и для других культурных учреждений города повысить свой потенциал в проектировании индивидуальных образовательных траекторий.

Таким образом, можно сделать вывод, что индивидуальные образовательные траектории – это вид обучения, предполагающий ориентацию на индивидуальные потребности и возможности обучающегося. Их необходимо выстраивать самому обучающемуся, лицам, которые обучают, и родителям, если речь идет о детях.

Самыми широкими возможностями в обучении школьников и в проектировании индивидуальных образовательных траекторий обладают школы, лицеи, гимназии, но при этом в данном случае значение имеет и дополнительное образование, а также культурные учреждения, в том числе и библиотеки [10, 306]. На разных этапах истории их значение в обучении школьников менялось.

Роль библиотек в обучении на разных этапах их развития.

Так, в XI в. библиотеки выступали главным образом как книгохранилище, а основной функцией библиотекарей было распространение книг и других письменных документов. Здесь потенциал в проектировании индивидуальных образовательных траекторий еще практически не выражен. В XVI–XVII вв. возникают специализированные библиотеки, поэтому роль данных культурных учреждений в обучении читателей возрастает, однако обучать именно детей, выстраивая при этом каждому индивидуальную образовательную траекторию, пока не представляется возможным.

В XVIII в. ситуация значительно не изменилась, однако из-за реализации идей общедоступности, публичности пользования библиотечными услугами читателями все же их значение в обучении стало возрастать. С появлением общественных библиотек в XVIII веке в России после реформ Петра I начинается новый этап в истории библиотечного дела. Библиотеки этого периода ставили своей целью дело общедоступного образования и помощи в формировании сильного государства.

Стоит отметить, что прослеживается тенденция усиления влияния библиотек на обучение с течением времени, однако при этом осязаемый потенциал в проектировании индивидуальных образовательных траекторий у данных культурных учреждений появляется лишь в конце XIX в. – начале XX в., так как появляются кружки, клубы, то есть у библиотек возникают функции, которые не связаны напрямую с хранением и распространением книг. В этот исторический период библиотечное дело в России развивалось с учетом потребностей общества. Для этого активно использовались

земские учреждения для создания библиотек, способствующих образованию всех слоев населения.

Именно это сближает библиотеки данного времени с современными учреждениями. Примечательно, что полноценно выстроить индивидуальную образовательную траекторию все-таки еще не представляется возможным и в XX в., потому что по-прежнему существует проблема, связанная с низким уровнем технической оснащенности.

В XXI в. данную проблему удастся решить, в том числе и благодаря реализации национального проекта «Культура». Также в настоящее время библиотеки продолжают расширять свои функции, особенно это касается городских библиотек.

Современное библиотечное дело сталкивается с вызовом цифровой трансформации, что требует от библиотек не только собирать и сохранять информацию, но и проводить мероприятия и проекты для привлечения аудитории. Конечно, значительное влияние на обучение школьников оказывают детские городские библиотеки, потому что они принимают активное участие в культурной и образовательной жизни города, приучают к семейному чтению и совместному творчеству, сотрудничают со школами, интернатами, лицеями и гимназиями. Наиболее широкие возможности в проектировании индивидуальных образовательных траекторий имеют модельные библиотеки, а также культурные учреждения, сотрудничающие с ними.

Нынешние библиотеки прошли достаточно большой путь, чтобы обрести необходимые возможности для этого: техническое оборудование и оснащение, комфортная образовательная среда, интерьер, большой выбор книг, подготовленные и обученные разным видам деятельности профессиональные кадры. В настоящий момент библиотека уже не просто книгохранилище, это пространство, где каждый пользователь имеет возможность проявить свои творческие способности, став участником клуба по интересам или кружка на базе современной библиотеки, приняв участие в мероприятии, акции или конкурсе, организованных культурным учреждением.

С развитием интернета и цифровых ресурсов библиотеки сталкиваются с необходимостью адаптации к новым требованиям и потребностям пользователей. В условиях цифровизации одним из направлений развития библиотек является создание цифровых библиотек, где доступ к информации предоставляется онлайн, что делает знания более доступными и удобными для пользователей. В условиях цифровизации современного мира происходит

и переосмысление форматов образования. В современных библиотеках активно развивается концепция *blended learning*, что предполагает комбинацию традиционного обучения и использование онлайн-ресурсов. Это помогает создать более гибкие и индивидуализированные образовательные программы, соответствующие потребностям современных обучающихся.

В условиях цифровизации современного мира библиотечные учреждения демонстрируют готовность отвечать новым вызовам, связанным, в том числе, с обеспечением безопасности и конфиденциальности пользовательских данных, а также необходимостью постоянного обновления информационных технологий. Однако цифровизация предоставляет библиотекам и образовательным учреждениям огромные возможности для развития и модернизации. Внедрение цифровых технологий позволяет сократить время поиска информации, улучшить доступ к знаниям и расширить географию пользователей.

Проектирование индивидуальных образовательных траекторий в современных библиотеках предполагает учет потребностей каждого посетителя и создание персонализированных путей обучения и развития. Инновационные подходы в библиотечном деле и образовании, включая развитие виртуальных и социальных сетей библиотек, помогают усилить их роль как ключевых центров культуры и образования в современном мире.

Список источников

1. Бакычарова К. Д. Школьная библиотека как площадка для реализации медиаобразовательных проектов // Народное образование Якутии. 2021. № 4 (121). С. 135–137.
2. Бубекина Н. В. Модельный стандарт детской библиотеки. Проект детских библиотек. // Школьная библиотека. 2008. № 3. С. 4–24.
3. Вернова Д. Ю. Формирование информационной культуры в детских библиотеках Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (13). С. 154–156.
4. Гараева Л. А., Зайцева Т. Б. Аватар читателя городской библиотеки // *Libri Magistri*. 2019. № 1 (7). С. 102–118.
5. Герасименко, А. Ю. Проблемы и перспективы мобильных технологий в цифровом пространстве научных знаний в библиотеках // Библиосфера. 2022. № 4. С. 56–64.
6. Глухов А. И. Из глубины веков: Очерки о древних библиотеках мира. Москва: Книга, 1971. 110 с.

7. Литвинцева Г. Ю. Новые направления культурно-досуговой деятельности в Петровскую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1 (5). С. 48–56.
8. Матвеева И. Ю., Карпинская Е. В. Возможности использования информационно-коммуникационных технологий в активизации читательской деятельности пользователей библиотек // Libri Magistri. 2018. Вып. 5. Аксиологический диалог культур. С. 130–136.
9. Плешкевич Е. А. История отечественных библиотек: к началам методологических представлений (по материалам дореволюционной литературы) (окончание) // Вестник культуры и искусств. 2022. № 2 (70). С. 16–25.
10. Подкорытова Н. И., Лакизо И. Г. Библиотека как компонент образовательного и культурного потенциала территории // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 305–318.
11. Редькина Н. С. Мировые тенденции развития библиотек: оптимизм vs пессимизм (по материалам зарубежной литературы) часть 1 // Библиосфера. 2018. № 4. С. 87–94.
12. Рудакова Т. В., Панкина Е. Н. Сетевой проект как инструмент развития читательской грамотности обучающихся // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 116–121.
13. Фатеева Р. И. Школьная библиотека в системе современного образования // Проблемы современного образования. 2014. № 5. С. 152–158.
14. Худяков В. Н. Современная библиотека как элемент образовательной системы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 4 (16). – С. 35–37.
15. Шипилова И. З. Библиотека семейного чтения как оптимальная модель по работе с семьей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (78). С. 192–198.
16. Ярославцева Е. И. Постнеклассическая наука и современные гуманитарные практики // Постнеклассические практики: опыт концептуализации: коллективная монография под общ. ред. Аршинова В. И., Астафьевой О. Н. Санкт-Петербург: Изд-во «Мирь», 2012. С. 109–125.

REFERENCES

1. Bakycharova K. D. School library as a platform for the realization of media education projects // People's Education of Yakutia. 2021. № 4 (121). Pp. 135–137. (In Rus.)
2. Bubekina N. V. Model standard of children's library. Project of children's libraries. // School library. 2008. № 3. Pp. 4–24. (In Rus.)
3. Vernova D. Yu. Formation of information culture in children's libraries Youth bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. 2020. № 1 (13). Pp. 154–156. (In Rus.)
4. Garayeva L. A., Zaitseva T. B. Avatar of the city library reader // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). Pp. 102–118.
5. Gerasimenko, A. Yu. Problems and prospects of mobile technologies in the digital space of scientific knowledge in libraries // Bibliosphere. 2022. № 4. Pp. 56–64. (In Rus.)
6. Glukhov A. I. From the depths of the ages: Essays on ancient libraries of the world. Moscow: Kniga, 1971. 110 p.
7. Litvintseva G. Yu. New directions of cultural and leisure activities in the Petrovsky era // Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2010. № 1 (5). Pp. 48-56. (In Rus.)
8. Matveeva I. Y., Karpinskaya E. B. Possibilities of using information and communication technologies in the activation of reading activity of library users // Libri Magistri. 2018. Vyp. 5. Axiological dialog of cultures. Pp. 130–136. (In Rus.)
9. Pleshkevich E. A. History of domestic libraries: to the beginnings of methodological ideas (on the materials of pre-revolutionary literature) (end) // Vestnik kultury i arty. 2022. № 2 (70). Pp. 16–25. (In Rus.)
10. Podkorytova N. I., Lakizo I. G. Library as a component of educational and cultural potential of the territory // Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history. 2021. № 43. Pp. 305-318. (In Rus.)
11. Redkina N. S. World trends in the development of libraries: optimism vs pessimism (based on foreign literature) part 1 // Bibliosphere. 2018. № 4. С. 87–94. (In Rus.)
12. Rudakova T. V., Pankina E. N. Network project as a tool for the development of students' reading literacy // Libri Magistri. 2018. № 5. Pp. 116–121. (In Rus.)

13. Fateeva R. I. School library in the system of modern education // Problems of modern education. 2014. № 5. C. 152–158. (In Rus.)
14. Khudyakov V. N. Modern library as an element of the educational system // Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2008. № 4 (16). Pp. 35–37. (In Rus.)
15. Shipilova I. Z. Family reading library as an optimal model for working with families // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2017. № 4 (78). C. 192–198. (In Rus.)
16. Yaroslavtseva E. I. Postneclassical science and modern humanitarian practices // Postneclassical practices: the experience of conceptualization: a collective monograph edited by Arshinov V. I., Astafieva O. N. St. Petersburg: Izdvo "Mir", 2012. C. 109–125. (In Rus.)

LIBRARIANSHIP AND EDUCATION

Maria S. Zhavnerovich

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The paper shows the changing role of the library in people's lives, its involvement in the educational process. It is noted that in the history of the development of librarianship in the 11-17th centuries, libraries became available to many cities of ancient Russia, playing the role of repositories of knowledge and contributing to social enlightenment. In the XVIII century, as a result of the reforms of Peter the Great, new types of libraries appeared, including public libraries, they became generally accessible and were to assist in building a strong state. In the 19th and early 20th centuries, zemstvos played a significant role in the development of librarianship, creating paid libraries and public libraries-reading rooms, which contributed to the development of libraries for different segments of the population and meeting educational needs. In the 20th century, mass public libraries began to operate, carrying out educational and cultural activities.

М. С. Жавнерович, С. В. Рудакова

With the advent of computer technology in the 21st century, libraries have to adapt to new digital realities, innovate and meet societal challenges. Modern libraries face the challenge of digital transformation and are not only engaged in collecting and storing information, but also in conducting cultural and educational activities and organizing various humanitarian and social projects.

Modern libraries are actively developing online space, participating in social networks, providing access to information via the Internet, developing innovative projects and working to improve the availability of cultural content for different groups of users. Important attention in modern libraries is paid to children, teenagers, persons with disabilities and the development of virtual and social networks of libraries.

Keywords: libraries, history of development, education, individual educational trajectories, digitalization

Для цитирования: Жавнерович М. С., Рудакова С. В. Библиотечное дело и образование // Libri Magistri. 2024. № 2 (28). С. 56–76.

Поступила в редакцию 05.04.2024

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **3 номера 2024** (двадцать девятого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в сентябре 2024 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 96-04/2023).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности **не менее 70%**.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **ORCID** автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация – все на английском языке**. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» («»), внутренние – «лапки» (“”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>; на сайте журнала <http://lm.magtu.ru/#2022>.

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

7. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
8. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
9. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
10. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2024. 2 (28)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+,
в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, ауд. А17.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 17.06.2024. Подписано в печать 24.06.2024.

Дата выхода 27.06.2024.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл. печ. л. 5,25.

Тираж 500 экз. Заказ 165.

Цена свободная.